

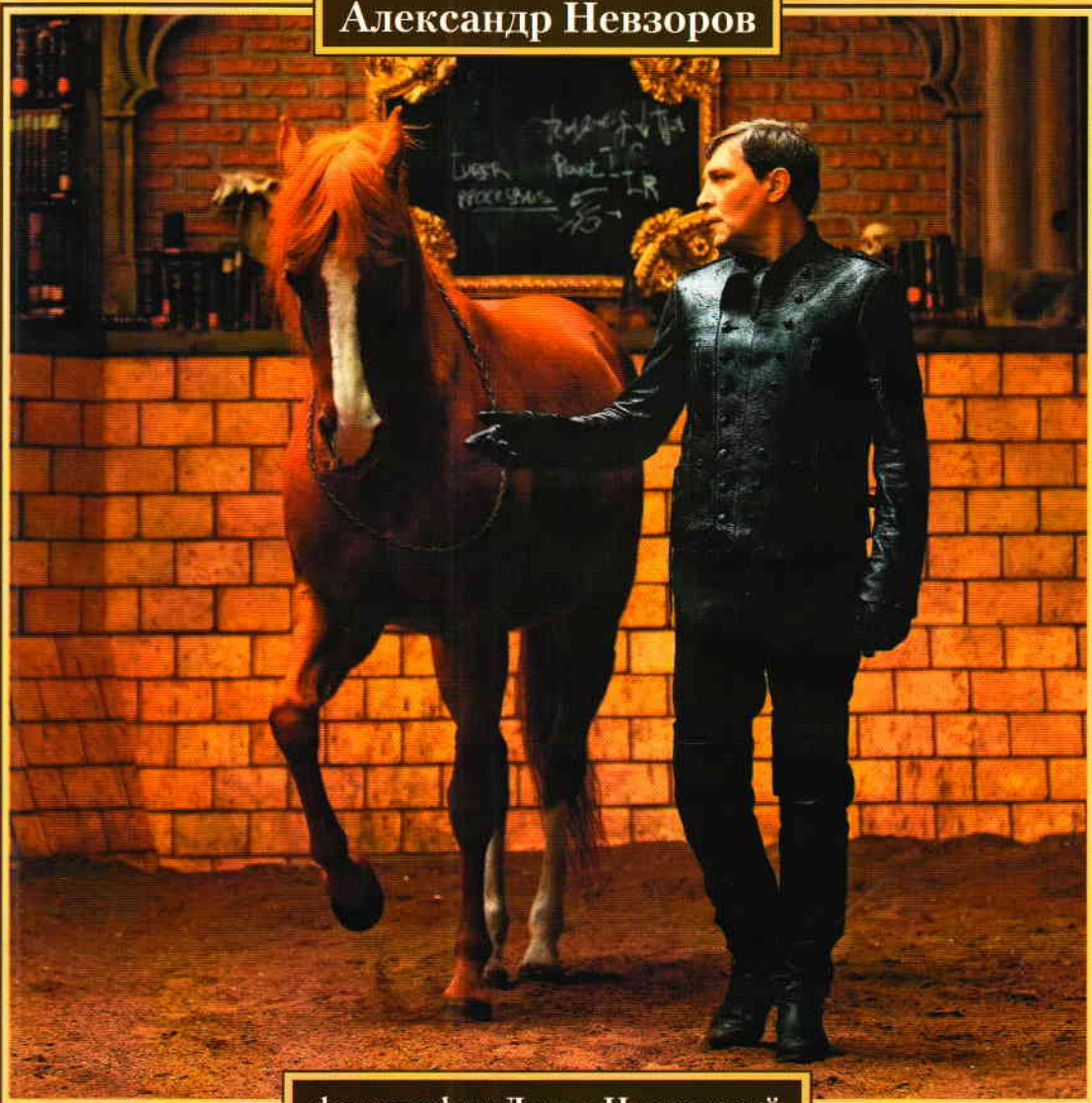
VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Трактат о работе «в руках»

• Искусство отношений лошади и человека •

Александр Невзоров

фотографии Лидии Невзоровой

Александр Невзоров

Трактат о работе «в руках»

библиотека

bibliotheque

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

Астрель-СПб
Санкт-Петербург

УДК 636.1.088.6.001.76 (075)
ББК 46.11–5я7
Н40

Невзоров, А.

Н40 Тракта́т о работе «в руках» / Александр Невзоров. — М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2010. — 128 с. — (Библиотека Nevzorov Haute Ecole).

ISBN 978-5-17-068076-4 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9725-1824-1 (ООО «Астрель-СПб»)

Работа с лошадью «в руках» не мыслится без теоретических знаний, которые и дает эта книга. В ней вы вместе с Александром Невзоровым узнаете, как возникла манежная практика работы «в руках», познакомитесь с Карлом Краллем и его мыслящими лошадьми, разгадаете загадочный смысл древних латинских терминов «milium» и «insolentia» и выясните, какое отношение они имеют к манежной дисциплине.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, историков и последователей Школы Nevzorov Haute Ecole.

УДК 636.1.088.6.001.76 (075)
ББК 46.11–5я7

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 31.05.2010.

Формат 70×90/16. Бумага мелованная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,3. Тираж 3000 экз. Заказ 313.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953. Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ISBN 978-985-16-8544-4 (ООО «Харвест»)

© ООО «Астрель-СПб», 2010
© Nevzorov Haute Ecole, 2010
© А. Г. Невзоров, 2010
© Л. А. Невзорова: фото, 2010

Тракта́т является учебным пособием
Школы Nevzorov Haute Ecole

Praefatio

вступление

ИНТЕРДИКТ ПЕРВЫЙ

Естественно, интердиктируется любое железо в любой его разновидности, причем не только на время самой Школьной работы «в руках», но и вообще в жизни лошади. Единственное железо, которое может оказаться во рту Школьной лошади, — это зевник или зубной рашпиль.

Впрочем, этот вопрос, мне кажется, можно даже не обсуждать.

ИНТЕРДИКТ ВТОРОЙ

Интердиктируются любые назальные средства: хакаморы, капсули, медиаканы, недоуздки НХ, мизероли, босалы, сайдпуллы, кавессоны, капсунги и т. д. Действие их одинаково, варьируется лишь степень болевого воздействия. Все они основаны на одном принципе:

Эффект любого назального средства основан на шоковых болях подглазничного нерва, пораженного разломом плоского шва носовой кости.

Назальные средства широко используются и обманывающими, и обманываемыми.

Обманывающие — создают внешний эффект отсутствия во рту лошади железа, хотя назальные средства действуют примерно так же, просто перемещают эпицентр нейрокраниального шока (НКШ) в лобные доли мозга.

Обманываемые — успокаивают себя, создавая иллюзию некоей «гуманизации» процесса воспитания, хотя, в ряде случаев, назальные средства действуют гораздо сильнее железа и еще более разрушительно.

(Бытовой широкий недоуздок допустим в бытовых ситуациях, его воздействие может быть неприятным, но в экстремальных ситуациях поверхностно страдает лишь затылок лошади. Впрочем, при занятиях бытовой недоуздок так же недопустим, как и любые другие блокираторы головы.)

ИНТЕРДИКТ ТРЕТИЙ

Интердиктируется табунное или «а-ля табунное» содержание.

Помимо полной миологической перестройки, табунное содержание опервобывивает и очень отупляет лошадь, возвращая ее в мир крайне примитивных представлений и манер.

Табунное содержание с точки зрения Школы — это вообще что-то из области овцеводства.

Я понимаю, сколь многим это будет неприятно прочесть, но лучше сказать правду сразу.

Для того чтобы научиться воспитывать свободную лошадь «в руках», необходимо очень хорошо представлять себе историю этой практики.

Помимо истории — столь же необходимо понимать и знать вообще все, связанное с этим искусством, — все до самых последних мелочей, ибо именно «мелочи» порой работают тем детонатором, который воспламеняет и приводит в движение огромные пласты интеллекта воспитателя, провоцируя т. н. озарения.

Эти «озарения», конечно, не главный метод, даже не самый важный, но на первых порах, при отсутствии качественной и долгой практики занятий «в руках» со многими лошадьми, — они очень выручают.

Порой случайное слово, любой пустяк, внешне не самый убедительный пример, необходимость вдуматься в старый или новый термин и искать разгадку его происхождения — очень и очень помогают решать ту или иную задачу, что я хорошо помню по своему опыту.

Впрочем, о практическом применении т. н. озарений в «Трактате» еще скажется, равно как и о других вспомогательных моментах. История техник этого искусства — один из важнейших вопросов, изучение которого очень настраивает на его постижение.

Столь же велика роль понимания Интердиктов, то есть не просто слепое следование Школьным запрещениям, но и осознание их необходимости.

Об Интердиктах, вероятно, следует сказать в первую очередь, чтобы потом уже не отвлекаться по этому поводу и чтобы те, кто не в состоянии смириться со Школьными Интердиктами или не в состоянии их выполнять, — даже не тратили бы время на прочтение данного «Трактата».

Принципиальных, глобальных Интердиктов при Школьной работе «в руках» немного, хотя они достаточно жесткие. Впрочем, пренебрежение ими гарантирует фиаско.

Школьное воспитание лошади (как и настоящее воспитание человека) — это прежде всего психологический процесс «отъема» существа от его животной сущности.

Табун и табунные отношения, будучи сверхсильным «животным» фактором, соблазнительным, как и все примитивное, навязывают лошади те первобытные, дикарские идеалы, уход от которых и есть задача Школьного воспитания.

Посудите сами, воспитывая Школьную лошадь, т.е. научая ее сознательно совершать действия, противоречащие ее первобытной сущности, научая отказываться от первобытных привычек и дикарских манер, вы вдруг приглашаете в качестве соучастника процесса, совоспитателя — ярчайшего носителя и мощного проповедника удобства и привлекательности этой первобытности, т.е. «табун» с его отношениями. Это превращает труд воспитателя в «сизифов труд», что по меньшей мере нелогично и гарантирует превращение всего воспитательного процесса в пустую и глупую трату времени.

Это основано на невежестве, на отношении к лошади как к ходячему мясу, а к табунной жизни — как к исполнению этим мясом просто моторной, просто физиологической функции группового передвижения в целях ОФП и для обеспечения удобств ленивым конюхам.

Табун, будучи фактором невероятно влиятельным на лошадиное сознание, всегда будет стараться уничтожить любые плоды воспитания. Вы будете учить, а табун будет, как тряпкой, стирать все, что удалось объяснить за занятие.

Ничему хорошему, к сожалению, в табуне не научат.

Неплохо зная ипнологическую историю, я не могу припомнить случая, чтобы одна лошадь другую или других учила бы пиаффу, балансе или пониманию нюансов пластики воспитателя.

Как я уже сказал, «табунизм» превращает воспитательный труд в «сизифов».

Полезным это может быть только в специальных учебных манежах, где требуется все время подновлять в лошади уровень пассивного дикарства и отуплять ее. (Я в данном случае имею в виду те манежи, где происходит обучение азам отношения человека и лошади.)

За предоставление лошади возможности «побыть дикарем» надо платить успехами воспитания, порой очень дорого.

Разговор о «табунизме» как о т.н. счастье лошади — это тоже по большому счету глупость.

Счастье — понятие очень относительное, вольно трактуемое, не имеющее определенных физиологических параметров, следовательно, к данному разговору не имеющее отношения.

Но даже если оперировать зыбкими отвлеченными категориями, то трудно не согласиться, что разновидностей счастья очень много.

Есть счастье питекантропа, заключающееся в бездумности, распущенности, возможности тупого удовлетворения ряда инстинктов.

А есть счастье академика, совершившего открытие в науке, есть счастье скрипача, блистательно исполнившего интродукцию и рондо-каприччиозо.

Эти разновидности счастья диаметрально противоположны по своей природе.

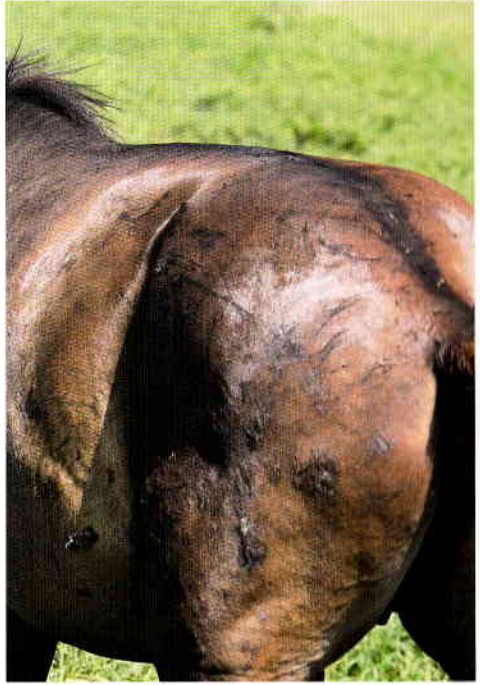
Я подчеркиваю, что ничего против табунного содержания не имею, оно по-своему замечательно и даже необходимо, если есть задача помочь лошади сделать «карьеру лошади Пржевальского».

Те же, кто пытается ловко маневрировать меж реальным воспитанием лошади и табунными прогулками, — должны быть готовы к тому, что в поведение лошади зримо и отчетливо прокрадется эдакая «пржевальщина», которая помнет и покалечит реальные успехи воспитания, да и практически всегда сведет их «на нет».

Вероятно, стоит вспомнить происхождение нынешней фетишизации «табунизма» и ложной «естественности» содержания лошади.

В последнее время это произошло благодаря практикам НХ.

Наряду с потешными теориями о «человеке как альфа-лошади» в моду вошел «табунизм» и даже табунная терминология.

Илл. 1. Данный круп является превосходным реестром всех нюансов табунных отношений

С применением современной модной фразеологии фетишизируются первобытные примитивные ритуалы в табуне, а возможности их исполнения лошадью придается непомерное и совершенно ложное значение.

Но стоит помнить, что все это происходит из задач НХ, первоочередная из которых — сделать лошадь как можно тупее.

Естественно, Интердикт на табунность содержания лошади при Школьном воспитании не имеет ничего общего с прогулками любой длительности. Прогулки непременно должны быть, но при соблюдении следующих условий: лошадь находится в такой приближенности, что любая, даже самая мелкая травма замечается немедленно (в момент получения).

Именно этим порожден старый термин, определяющий размер прогулочной левады — «discrimen citatrisculum», что означает буквально: «расстояние засечки», то есть такое расстояние, когда хорошо видна даже столь мелкая травма.

Стилистика прогулок должна быть такой, что попона, которая СТРОГО обязательна для Школьной лошади (начиная с +5 градусов), не рвалась бы и не перекшивалась, а в случае намокания была бы немедленно заменена на сухую. Более того, прогулки могут происходить только при условии наличия безопасного состояния грунта. Любые оледенения, любые замерзшие рытвины, серьезная неровность поверхности — рано или поздно приведут к инвалидности лошади. Никакой «адаптации» ног к условиям грунта не происходит. Адаптация, слава богу, понятие физиологическое и как таковое имеет свои параметры, заключающиеся в зримом изменении структуры мягких или иных тканей.

Ни одна препарация ни одной лошадиной ноги никогда и нигде — не подтвердила наличия каких-либо адаптационных изменений в связках, суставах или иных тканях организма лошадей, вынужденных передвигаться по скверному грунту, в условиях оледенения, рытвин и т. п.

Следовательно, констатируя отсутствие «адаптации» и зная общую уязвимость и миологии, и скелетного строения ног лошади, мы можем с уверенностью говорить о безусловном вреде, об общем (большем или меньшем) травмировании опорно-двигательного аппарата лошади при любом передвижении по ненадлежащему грунту.

Разумеется, в разные века Школа, всегда испытывавшая брезгливое недоумение при разговоре о «табунной жизни» Школьных лошадей, — хаживала и по разным крайностям тоже.

Памятна практика Школьного Мастера Бальтазара Прево де ля Тигери, именовавшаяся буквально *EHUMESCETUS IN TRISTITIA (AEGROTO)*.

(Буквальный перевод — «вымачивание в скуке».)

Действительно, лошадь буквально «вымачивалась» в скуке, в вынужденном безделье и в манеже была очень целеустремленной, страстной и внимательной.

Но эта метода, хоть и была в Школе бешено популярной, изжила себя еще в XVIII столетии.

А вот Школьный Мастер Самюэль де ля Буарепер (Фуке), изолируя в обязательном порядке лошадей друг от друга на весь воспитательный период (3–5 лет), был чертовски озабочен тем, как бы ежесекундно развлекать лошадей.

Буарепер приставлял к каждой лошади двух пестро одетых конюхов, приглашал ярмарочных борцов (которые весь день волтузили друг друга возле ограды небольшой левады), «цыган с бубнами и трещотками и флагоносцев».

ИНТЕРДИКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Интердиктируется подковывание лошади.

Здесь можно, наверное, и не уточнять, ибо знания о разрушительности «конки» для самих копыт, суставов, связок уже являются общим местом.

«Ковка» вообще недопустима ни в каком варианте и является сознательным, намеренным изувечиванием лошадиных ног.

Приколоченные гвоздями к ногам изогнутые куски железа резко искажают природную биомеханику, меняют пластику, скрывают аритмию или, наоборот, демонстрируют несуществующую (что, честно говоря, очень сбивает с толку и мешает оценить точность и красоту движений), создают лошади физиологический дискомфорт, который, разумеется, отвлекает ее от занятий.

ИНТЕРДИКТ ПЯТЫЙ

Чревоуещание.

Раньше это называлось словом «*Ventrioratoria*».

Занятно, но перевод этого термина с латыни одним словом невозможен.

Буквально это означает не просто чревоуещание, а как бы некое «чревопафосное краснобайство». Это очень старый термин, который употреблялся Школой в качестве издевательского термина еще в «*PRAECEPTIO PRAECEPTORIBUS*» и ряде других Школьных трудов, всегда обозначая примету дурака, дилетанта или шарлатана.

Раньше сеансами чревоуещания назывались ловкие и забавные фокусы, когда чревоуещатель мог, практически не раскрывая рта, говорить «за медведя», «за покойника», «за чайник» и т. д.

Теперь все говорят «за лошадь».

Действительно, три этих категории (дураки, дилетанты, шарлатаны) чрезвычайно любят поговорить от лица лошади, что-либо поутверждать от лица лошади, дают постоянные оценки настроения лошади или выражения ее лица. «Чревовещатели», естественно, основываются не на точном знании анатомических формул движения лицевой мускулатуры лошади, но всегда подменяют действительное желаемым или удобным, но чаще всего просто собственными выдумками «на тему».

И неважно, что именно утверждает «чревовещатель», верит сам своим утверждениям или нет — это всегда глупость, всегда подмена действительности удобной ему или окружающим выдумкой.

За последнее время это «чревовещание» приобрело эпидемический характер, от лица лошади говорят все кому не лень. Спортсмены утверждают, что лошадям нравится заниматься спортом, НаХашники утверждают, что лошади любят «морковные палочки» или их самих.

ЧВ утверждают, что видят «счастливое» выражение лошади, а дамочки-попотрясучки всерьез уверены, что бордовый потничок нравится лошади больше, чем клетчатый.

Разумеется, каждый Мастер Школы со временем вырабатывает точное знание лошадиной мимики.

Но это приходит через годы (5–7 лет ежедневных занятий не менее чем с двумя-тремя лошадьми) и является в первую очередь точным знанием анатомических формул движений лицевой и иной мускулатуры лошади, нежнейших особенностей пластики, которая рассказывает о ее комфорте или дискомфорте.

Причем и в этом случае оценка все равно остается очень приблизительной, очень условной, допускающей вольные трактовки, а посему никогда не оглашаемой вслух.

Есть и еще одна причина неоглашения — лошадиные эмоции, чувства и пожелания — практически не имеют привычных человеческих аналогов и **точно** переведены быть не могут ни на один язык мира. При попытке «перевести» или озвучить их на человеческий язык — полностью искажается и теряется всякий смысл.

Помимо всего прочего, «чревовещание» «за лошадь» является, что называется, «самым дурным тоном», практически непристойностью, и посему употребляться в Школьной работе не может даже в шутку.

Помимо этих, касающихся непосредственно работы «в руках», запретов, сюда же распространяются и общие Школьные Интердикты и правила, такие как ограничение по типу и сорту религии, обязательность вегетарианства и пр., о которых уже немало сказано в «Трактате о Школьной Посадке».

Знание и понимание данных Интердиктов является обязательным.

Здесь они приводятся не для обсуждения, а для исполнения. Впрочем, что называется, никто не заставляет их соблюдать.

Просто несоблюдение хотя бы одного из них приведет лишь к тому, что работа «в руках» по воспитанию лошади окажется совершенно безрезультатной.

Над строгими Интердиктами можно посмеиваться, но они, уверяю вас, в ответ рассмеются гораздо громче.

Учитывая важность, тонкость, точность, серьезность, базовость Школьной работы «в руках» при воспитании лошади, для полного погружения воспитателя в эту практику, для того чтобы ее законы и ее тактика стали бы «компонентом обмена вещами» воспитателя, разумеется, как я уже сказал, — необходимо во всех подробностях и нюансах представлять себе в первую очередь историю этого искусства.

Итак.

Даже самое поверхностное знакомство с иппологической историей дает представление о том, сколь велик был в конце XVI и начале XVII столетий — триумф Чезаре Фиаччи, Джанбаттиста Пигнателли, Фредерико Гризоне, Пиньятелличчи, Лоренцио Рузиуса и вообще всех тех, кого принято называть «первыми» Мастерами Школы.

Изучив независимые, внешкольные исторические материалы, — мы можем убедиться в том, что этот триумф — не мифологема, не вымысел самой Школы. Он действительно имел место и был колоссален. Он зафиксирован как в исторических первоисточниках того времени, так и во всех исследованиях. Прямо или косвенно.

Европа благоговейно внимала каждому слову Школьных Мастеров, издавала и переиздавала их сочинения, которые расхватавались сразу и выучивались наизусть. Мастеров Школы благословляли Папы, им кланялись короли.

Триумф «первых» Мастеров чувствовался во всем — от новаций архитектурных, когда вся Европа завелась строить храмоподобные манежи, до дел государственных, когда лошадиники того времени становились не просто фаворитами, но и номенклатурой королевских дворов.

Даже происхождение ботфортов, сапог особой формы, отличительной особенностью которых является прежде всего их необычайная высота, — и то связано с триумфом Школы. Это, конечно, легенда, но легенда из разряда «характеризующих».

Дело в том, что с карманами в ту эпоху дела обстояли неважнецки. Историки костюма¹ путаются в показаниях, но ясно, что карманов в сегодняшнем смысле этого слова еще и в помине не было. (Их изобретение приписывают чуть ли не Луи XIV.)

Фиаччи, распутный и корыстный красавец Чезаре Фиаччи, получая гонорар от венецианского дожа за уроки, испытал затруднения с раскладкой цехинов и дукатов по кошелькам, мешочкам и той пародией на карманы, что существовала тогда. И потребовал наполнить цехинами сапожок. Дож согласился. На том и порешили, что за уроки дож будет наполнять цехинами доверху сапожок Мастера. Ударили при всех по рукам. Сапожки тогда были коротенькие.

Разумеется, уже на следующее занятие Фиаччи явился в специально сшитых за ночь, высотой аж до половины бедра, сапожищах. С того и пошла история ботфортов.

Это, скорее всего, вымысел, хотя от Чезаре всегда можно было ожидать чего угодно. Смех смехом, но в действительности даже общественная мода перекроилась под Школу, и «помешательство на высоких сапогах со шпорами» стало повальным. Даже внешнее сходство со Школьным Мастером было очень престижно и модно.

Примечательно, что расхожая версия, что высота ботфортов должна была оградить чулки от лошадиного пота — критики не выдерживает, ибо конструкция Selle того времени очень надежно ограждает ноги от соприкосновения с лошадиными боками аж до середины голени всадника.

Человечество в лице просвещенной Европы восприняло появление Школы как абсолютное ОТКРЫТИЕ, Мастера Школы позиционировались как гении.

Это исторический, научный и культурный факт.

Но!

Даже самое поверхностное знакомство с тем, что именно внесло во всаднический, верховой обиход первое и второе поколения Мастеров Школы — показывает, что ничего сверхъестественного-то не произошло.

Школа на первом своем этапе в лице Пиньятелеччи, Фиаччи, Гризоне, Рузиуса, Пигнателли — разработала и ограниченно внедрила во всаднический обиход маневренную элементарщину: пируэтики, вольтики, растемповку, т.е. простейшую управляемость лошади всадником. Фиаччиевские вестиграммы, еще очень

примитивные, в известном труде «TRATTATO DELL'IMBRIGLIARE» это доказывают, не оставляя сомнений.

Еще даже и не пахло караколями, полными курбетам, балансе, песадами и урсадами, испанским шагом — всем, что ныне имеет стойкую ассоциацию именно с Высокой Школой.

(Эти действительно эффектные, кажущиеся сложными элементы — вводили в обиход Школы Мастера второго поколения, т.е. Плювинель, Де Мену, Ньюкастл, Пьер де ля Ну, Самуэль де ля Буарепер (Фуке), Пиньероль (который Франсуа), Балтазар Прево де ля Тигери.)

Тем не менее самая оглушительная мировая слава досталась даже не «гранд-пищикам» курбетов и караколей, Великим Мастерам, а первому поколению, поколению Рузиуса и Гризоне, которые ничего сложного и эффектного еще не делали и не предлагали делать, а просто внедряли легкие маневренные элементики, вчерне определили посадку, первоначальные критерии сбора, открыли тушировку и прочие мелочи.

Но именно об их славе мы и говорим, одновременно констатируя, что данная плеяда Мастеров открыла и внедрила лишь решительную элементарщину.

Это — тоже узаконенный и достоверный исторический факт.

Спорить — глупо.

Собранные вместе, два этих факта наводят на чертовски грустные размышления. Давайте назовем их своими именами.

К началу XVII столетия простейшие приемы верховой езды и обращения с лошадью — становятся всеевропейской сенсацией.

Невозможно предположить, что Европа восприняла с таким восторгом и благоговением — то, что ей было прекрасно известно.

Следовательно, все простейшие вещи, дающие хоть какие-то основания называть существо, усевшееся на спину лошади, «всадником», — были, по сути,

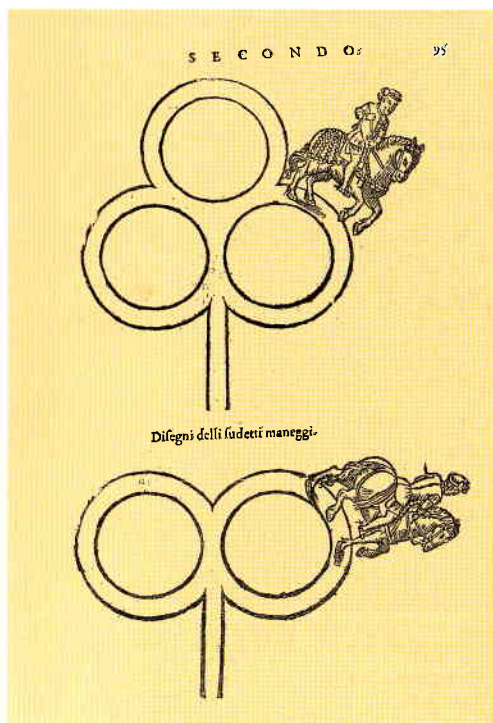
Илл. 2. «TRATTATO DELL'IMBRIGLIARE». Титульный лист

¹ Френсис Келли, Рэндольф Швабе.

малоизвестны или вовсе неведомы. Увы, это дает полное право (с чистой совестью, т. е. научно обоснованно) вычеркнуть из истории всаднического искусства — практически 27 веков (как минимум), а то и все 32 века, если опираться на зыбкую теорию, что лурдские удила (с т. н. скульптурированными псалиями) использовались для всадничества, а не исключительно для повозочных нужд.

Короче говоря, до XVII столетия человечество, по сути, не умело ездить верхом, а практика относительно умелой верховой езды насчитывает чуть более 400 лет.

Повторяю, если бы человечество умело ездить верхом, то простейшие Школьные экзерсисы Фиаччи или Рузиуса не стали бы сенсацией.

Илл. 3. «TRATTATO DELL'IMBRIGLIARE». Вестиграмма

Говорить об умении ездить верхом публике, не имеющей представления о пируэте или даже насильственном сборе, о темповках или вольтах, простите, решительно невозможно.

Возможно говорить только о более или менее удачных попытках удержаться на лошади и передвигаться на ней быстрее или медленнее, в зависимости от настроения лошади или силы удара палкой, хлыстом или шпорами.

Конечно, Первые Мастера не все изобрели с чистого листа, некий опыт ими был аккумулирован и оформлен. Но! Состояние, в котором находился этот опыт, было плачевным, иначе не видать бы красавцам Чезаре Фиаччи и Пиньятеллечи мировой славы, панских благословений и бриллиантов с королевских мизинцев.

Управление лошадью, даже в самом примитивном смысле этого слова, было всегда экстремальным, неумелым и неэффективным.

Иными словами, из истории верховой езды — можно смело вымарывать и скифов, и нумидийцев, и византийских катафрактариюв, и монголов, и рыцарей, и вообще всю эту публику с их перьями

и железками. Равно как и всех прочих, аж до начала XVII столетия. Естественно, основной наш разговор — о Европе.

Варварские народы во все времена демонстрируют примерно один и тот же стиль езды и управления. Неслучайно стилистика верховой езды у пигерийских или афганских пастухов так поразительно похожа на русские казачьи верховые практики. Монголы, арабы, казаки, тувинские наездники — все абсолютно схожи и приемами, и стилем.

Их объединяет полное отсутствие сбора, примитивность приемов, полное непонимание биомеханических принципов движения лошади, доведенная до абсолюта жестокость управления, короче, полное неумение ездить верхом даже в самом грубом смысле этого слова.

Естественно, есть гаучо, есть венгерские чикоша. Но гаучо — незаконные, уродливые дети классических школ Европы, науку которых они кривенько приняли от своих испанских поработителей в XVIII–XIX веках. Науку опростили, слегка опошили и раскрасили местным колоритом.

Венгерские чикоша имеют то же происхождение.

Европейская, по сути, Мадьярия (то часть Германской империи, то Австро-Венгрии), естественно, впитала основные классические манеры европейских школ и опять-таки очень криво транслировала их в национальную пастушескую практику. Сейчас мы имеем забавное шоу, где любопытно наблюдать только саму природу искажений классических принципов и то, как именно местечковое мадьярское варварство их трансформировало.

Если с гаучо снимать шляпищцы, штаны с бубенчиками, метровые шпоры и килограммы серебряных обвесов с лошадей, а чикоша лишить синих рубаш, шаровар и переодеть тех и других в розовые, к примеру, трико, то никакой разницы меж представителями столь географически разнесенных школ не останется. Останется лишь то, чем они в действительности являются, — т. е. очень маленький цирк. Ну, чикоша, пожалуй, будут поудалее, но по причинам строго геологическим.

Дело в том, что мощных серебряных месторождений в Венгрии нет, оттого чикоша, в принципе, были гораздо скуднее, лаконичнее экипированы, чем гаучо, и поэтому являют более «удалой» стиль езды. Если бы гаучо не обвесились еще в начале позапрошлого века ТАКИМ количеством блямбочек, шпорочек, бубенчиков, разных эстриберочек, цепей и цепочек, то, вероятно, тоже возвели бы «удальство» в принцип. По мере «обвешивания», а латиносы делают это быстро и без меры, — всякое удалство становилось физически невозможным из-за количества металла на лошади и на всаднике. Чикоша под боком такого количества дешевого серебра не имели — и эффектировали другим способом.

Но это — лирическое отступление.

Естественно, к началу XVII века — была полная беспросветица в вопросах элементарного управления лошадью как под всадником, так и в любых других ситуациях. Притом что железо уже приобрело почти те формы, которые обеспечивали максимальное болевое воздействие.

Илл. 4. Гравюры, демонстрирующие проведение типичных урологических операций по лечению травм от верховой езды

Конструкторы мундштуков вроде Соломона де Ля Бруэ лишь отшлифовали и навели лоск, суммировали все изобретения, авторизовали их в своих фолиантах и лишь в частностях усугубили их истязательский потенциал.

Очень напрасно так мало внимания уделяется истории урологии... Именно она лучше всего иллюстрирует, как часты и трагичны были травмы паздников того времени, причем наиболее распространенными, наряду с полным размождением пениса, с тяжелейшими увечьями семеников, — были и глобальные повреждения тазовых костей.

Художественная литература, скульптура, живопись откровенно и безкастенчиво лгали и лгут на тему взаимоотношений лошади и человека.

Надо сказать, что именно искусство-то и запутало и извратило нпнологическую историю более чем кто-либо.

Граверы, ваятели, литераторы, живописцы преподносили и преподносят публике абсолютно ложный образ всадника «дошкольного» периода.

Делалось и делается это, кстати, из самых лучших побуждений, из желания героизировать человека, из желания создать некий художественный эталон мужества и удали.

Все это можно наблюдать на многочисленных (бесчисленных) гравюрах, эмблематах, живописных полотнах, скульптурах. Лошадь, ее идеализированная пластика, ее надуманное состояние — только «штрихи к портрету» человека, некий реквизитный элемент, антураж человеческой горделивости, свидетельство его силы, удали или непреклонности. Но естественно, все придумывалось. Все от начала до конца.

Реальными примерами, насколько в действительности был беспомощен и неумел человек в этом вопросе, — можно было бы перекрыть всю площадь этого «Трактата», да и состоял бы он из одних примеров глупости и беспомощности. Но такое чтение может быстро наскучить, посему я ограничусь двумя примерами, но не оставляющими в силу ряда причин никаких сомнений.

Поясню, почему избраны именно эти примеры.

Действующие лица как в первом, так и во втором случае — могущественнейшие европейские монархи Франциск I и Генрих IV, т. е. лица, в полной мере способные обеспечить себя как выученными лошадьми, так и имеющие соответствующий штат, способный произвести отбор, подготовку и обеспечение монарха наиболее выученной и безопасной лошадью.

Примеры выбраны из тех лет, когда переворотов, козней или заговоров в отношении этих монархов не было. Убийства Генриха еще даже не планировалось. Следовательно, можно быть уверенным, что и конюшие (штат), и лошади не являлись инструментом интриг или династических игр по устранению короля. Короче, я беру очень благополучные дворы, где все были кровно заинтересованы, чтобы король пожил подольше и не стал бы инвалидом.

Надо понимать, что для огромного количества людей гибель короля или его бессилие вследствие увечья были огромной личной трагедией, финансовой и карьерной, крахом множества надежд, в первую очередь — корыстных.

Более того, я специально беру тех королей, которые никак и никогда не были отмечены как склонные к верховому или упряжному лихачеству, которые всегда доверялись своим конюшим в подборе для них лошади и вообще в этом вопросе всегда были очень благоразумны.

Январь 1501 года. Рядом с Амбуазом, во время верховой прогулки — конь Франциска I так «растасил» короля, что тот не мог ни повернуть его, ни остановить

на протяжении 7 или 8 лье². Как можно понять из хроники и дневников Луизы Савойской — никаких безумных галопов не наблюдалось, растаскивание происходило на рыси.

Луиза Савойская, впрочем, все равно ритуально перепугалась, но не отметила этот случай как нечто необычайное.

Октябрь 1602 года. Мост Нейи, Париж.

Король Франции Генрих IV, отец Луи XIII, — в открытой королевской повозке, окруженный стражей, передвигался по Парижу. Возле моста Нейи лошади, впряженные в королевскую повозку, несмотря на все ухищрения и кучеров, и стражи, утащили королевскую повозку вместе с королем, который остерегся прыгать из возка, — в реку. Как утверждают хронисты — «они просто захотели пить».

Мне не удалось выяснить, какое именно железо было во ртах королевских лошадей, но типовые образчики и 1500, и 1600 годов — предельно жесткие.

Согласитесь, два суперкрасноречивых примера.

Теперь-то становится понятно, почему Фиаччи выглядел магом и чудотворцем. Столь же красноречивым примером бессилия и неумелости всадников дошкольного периода являются типовые, боевые шпоры с длиной боевого шипа до 20 см, всегда предназначенные для удара именно в плоть лошади, а не по попоне или доспеху, как это любят сочинять дилетанты, не способные расстаться с мифом о рыцарстве как о некоей категории лиц, обладавшей хотя бы примитивными навыками управления лошадыю.

Глупость этого отрицания (самого прямого, ударного действия шпоры) связана и с мифологией, и с элементарной безграмотностью.

Берем первый же средневековый подлинный источник. К примеру, «Роман о Ги Нентейском» (43. Vs 2357), XIII век, и... просто читаем в описании турнира: «под брюхо коням они шпоры воткнули».

Именно «воткнули», а не покололи, не пощипали и т. д. Здесь надо понимать, что других средств управления у т. н. рыцарства просто не было. И опять-таки по причине полного неумения управлять лошадыю.

Кстати, первобытный дошкольный стиль верховой езды очень наглядно демонстрируют сегодня т. н. мальчики в нержавеющейке, или «реконструкторы». Это всегда и ежесекундно — полное отсутствие сбора, дикая, запредельная грубость рук, непрерывность НКШ, в котором лошадь держится с первой же секунды водру-

Илл. 5. «Реконструкторская» езда

² 1 лье — около 4,5 км.

жения на нее «мальчика», абсолютно колхозная раскляченность и болезненность движений лошади — да и прочие приметы, характерные для примитивного «дошкольного» стиля. (Конный спорт, разработавший свою стилистику гораздо более умело, по крайней мере не так суматошно использует болевые приемы и умеет делать это хоть и еще безжалостнее к лошади, но менее заметно.)

Впрочем, все это не так существенно.

Оглушительная слава Первых Мастеров Школы — это лучший и совершенно бесспорный приговор 25 векам т. н. наездничества.

Теперь, доказав эту очевиднейшую, но малоизвестную подробность истории, мы вправе начать недоумевать, что же произошло в середине XVI — начале XVII веков?

Почему вдруг, как из рога изобилия, на Европу посыпались «лошадиные гении», почему образовалась Школа, почему столь важное в домашинный период «лошадиное дело» было в таком плачевном состоянии?

Скажу честно, что я могу, но не собираюсь отвечать на все эти вопросы.

Но на ту часть, которая имеет непосредственное отношение к теме данного «Трактата», то есть к искусству работы «в руках» — я отвечу...

В следующей главе.

Tempus Pluvinei Время Плювинеля

глава первая

Итак, совсем недавно, всего-навсего в начале XVII века, европейское человечество овладело простейшими навыками всадничества.

Началось формирование сложной и гениальной системы взаимодействия человека и лошади, которая нами для краткости и в соответствии с традицией — называется Школой, или Высокой Школой.

Тогда, в XVII столетии, алчная, жестокая, храбрая, развратная, населенная блистательными персонажами Франция, безусловно, была центром вселенной. Она жила в клинковом звоне бесконечных дуэлей и схваток, в звоне колониального золота и... в звонком шорохе оселков по лопатам могильщиков, которые то весело острили лопаты, то уныло счищали с них лишнюю галльскую глину. Христианской церкви в то прелестное время были созданы все условия, чтобы красиво покончить с собой. Что она и делала. С наслаждением. Изобретая разновидности самых диких пороков и немедленно реализуя эти изобретения у всех на глазах.

В качестве приправы к разврату церкви, чтобы она могла хоть как-то поддерживать спортивную форму, еще было оставлено право пытать и изуверствовать... Но инквизиция теряла пыл и профессионализм. Истязания становились банальнее и скучнее.

Впрочем, главным голосом Франции того времени, голосом, заглушавшим стоны последних еретиков, оргазмические вопли и перезвоны шпага, был тоненький голосок очень больного мальчика, юного короля Франции Людовика Тринадцатого.

Малыш, конечно, очень неплохо руководил пытками, подписывал потешные указы, очень забавно проигрывал пару войн, но для нас представляет важность и интерес большей частью тем, что имел среди своих учителей — господина Антуана де Плювинеля.

С него-то все и началось.

С мессира Антуана де Плювинеля, величайшего Мастера воспитания лошадей и всадников, гения верховой езды, основателя Школы высшего мастерства работы с лошадью — Haute Ecole.

Прозрения Плювинеля, его мечты об избавлении лошади от боли и унижения, его одержимость, его великолепный интеллектуализм и та духовная свобода, которые спровоцировали это восстание Великого Мастера против скотского отношения к лошади, — были, конечно, порождением его гения, но... имели и подноготную тоже.

И очень непростую подноготную.

Плювинель был первым Мастером Школы, который всерьез заговорил о пыточной роли железа и... о работе «в руках» как главном ключе к мастерству.

Разгромленный, сожженный и проклятый церковью еще в XIV столетии Рыцарский Орден храма Соломонова, Орден тамплиеров, и в XVII столетии в лице своих тайных последователей продолжал менять судьбу, историю и культуру мира.

Блистательный интеллектуализм тамплиеров, основанный на древних знаниях, Каббале и великом стремлении к полной свободе человеческого духа, был унаследован главными фигурами мировой истории во всех сферах деятельности человека.

В литературе, живописи, скульптуре, архитектуре, науке той поры было так же сложно найти серьезную, значительную фигуру, не увязанную накрепко с «тайными» поздними тамплиерами, как и в XVIII–XIX веках обнаружить хоть какого-нибудь выдающегося мужа науки или искусства, не являющегося членом той или иной масонской ложи.

В искусстве установления отношений с лошадью главными действующими лицами тоже были тайные тамплиеры, французские и итальянские Мастера, основавшие Школу высоких фигур, высоких отношений человека и лошади От Эколь (Haute Ecole).

Естественно, Школа, как и новая живопись, как и наука, как и музыка, тоже была плодом той интеллектуальной революции, которую в XIII веке устроили Братья Храма Соломонова, разрушившие христианские идеалы и, по сути, духовно освободившие от гнета примитивной, агрессивной и феноменально бесплодной идеологии христианства — всю европейскую культуру и науку.

Они сделали это с предельной прямоотой, убедительностью, они совершили истинный, всемирный рыцарский подвиг, и их пример не мог не завораживать и не звать за собой.

Христианство, как известно, оказалось прекрасным **парализатором всего живого**. С момента его торжества и воцарения в Европе до тамплиеров — 10 веков практически полной пустоты.

10 веков нет открытий, науки, путешествий, музыки, мод, медицины, изобретений, живописи, литературы, развития ремесел. Нет **ничего**.

Нет даже такого простого продукта жизнедеятельности людей, как история.

Период длиной почти в 1000 лет занимает в учебниках... пару страниц.

Но с подвига тамплиеров начинается крушение мертвой христианской вселенной.

Именно они детонировали ее разрушение и наступление Возрождения, когда христианство впервые за четырнадцать веков своего торжества стало отсутствовать, откатываться, терять статус мирового хита.

Все неприятности, что ожидали христианство в течение последующих семи веков (расколы, реформации, развитие наук, пришествие Дарвина, победоносное шествие по Европе индийской и азиатской мистики, археологические открытия, плач по уничтоженному язычеству, триумф демонофилии — словом, все беды учения И. Христа), — имеют начальные корни свои в деле рыцарей Храма Соломонова.

Именно из подвалов Тампля поползли те трещины, что раскололи слепую веру — веру безоглядную — веру как смысл жизни.

Школа, являвшаяся принципиально иной системой взаимоотношений человека и лошади, тончайшее искусство, нуждающееся прежде всего в мощном интеллектуальном фундаменте, в очень трезвом взгляде на мир, — тоже возникает как следствие крушения т. н. веры.

Естественно, не все страницы истории Школы можно вспоминать с гордостью, но следует помнить, что основатель Школы Антуан де Плювинель был современником Иоанна Грозного и свидетелем Варфоломеевской ночи. Свирепая и грязная эпоха во многом диктовала **свои** правила игры и воззрения на мир, человека и лошадь.

Когда писалось «Наставление Королю», в Москве, прямо на Красной Площади, еще десятками корчились на колах люди¹.

¹ Это надо понимать не как точную историческую параллель, а как образ, характеризующий эпоху. Строго говоря, в момент смерти Грозного Плювинелю было всего 32 года.

А в Париже до 1619 года в День св. Иоанна на Гревской площади сжигались живьем сотни кошек. Просто как дань традиции и для забавы благочестивых христиан. Мир был предельно жесток и невероятно грязен.

Мадам де Верней, описывая интимные подробности своих взаимоотношений с королем Франции, галантнейшим Генрихом IV, писала: «Пусть радуется, что он — король. Иначе (совокупляться²) с ним было бы просто невозможно, до того разит от него падалью».

Впрочем, начатая тамплиерами интеллектуальная революция уже преображала мир.

Современниками Плювинеля были Фрэнсис Бэкон, Шекспир, Малерб, Пьер Корнель, Сервантес, Декарт, Ван Дейк, Рубенс, Брейгель, Эль Греко, Челлини, Дж. Бруно, Кампанелла, Микеланджело, Веронезе, Тинторетто.

Плювинель имел честь быть современником Мишеля де Монтеня и читать его «Опыты»³.

Время Плювинеля было временем славы самых блистательных пиратов — Френсиса Дрейка, Хоукинса, Фробишера и Л'Оллоне.

Галилей в эту пору открывает основы астрономии, Гарвей — систему кровообращения, англичанин Харринг изобретает первый туалет со смывом, голландец Дреббель строит первую подводную лодку, германец Ханц Липперцхей изобретает телескоп.

Все эти факты я привел лишь как необходимую характеристику того времени, когда в закрытых манежах первых Школьных Мастеров возникает искусство работы «в руках». Искусство, которое всегда котиновалось гораздо выше, чем даже искусство всадническое, ибо требовало от человека — гораздо большего.

Vinum Librarium

VINUM LIBRARIUM, буквально: «книжное вино».

Этим неожиданным термином обозначалась вообще манежная работа «в руках», или «манипуляция», как тогда говаривали.

Термин достаточно странный, вроде бы далекий от манежного искусства, но настолько образный, сильный и понятный манежным Мастерам, что он не только прижился, но и дожил до наших дней, обозначая самое главное в «манипуляциях».

Взят был этот термин, разумеется, от библиотекарей и библиофилов XVII столетия.

² Правка — моя, в подлиннике у Таллемана де Рео употреблено гораздо более грубое слово.

³ Монтень умер в 1592 году, когда А. де Плювинелю было 45 лет.

Происхождение его, я полагаю, понятно, но на всякий случай поясню.

Дело в том, что при каминном или печном отоплении воздух настолько пересушивался, что фолианты очень страдали. Рыбьи клеи, которыми крепились кожи переплетов, мертвели и сыпались, трескались кожи обложек, а кракелюр колот золотое тиснение и красный лак на тессерах корешков.

Поэтому в запертые армуары (шкафы) к книгам — ставились бокалы с красным вином, которое, постепенно испаряясь, подпитывало и кожу, и клей, и лак винной влагой.

Исцелялась и свежела практически любая книга.

Причем годилось для этой цели — только очень хорошее красное вино. Плохое вино, разбавленное вино или простая вода — все это отвергалось капризными фолиантами.

Либо вообще не было результата, либо переплеты плесневели.

Армуар с двадцатью книгами за пару месяцев выпивал большую бутылку.

Конечно, была масса хитростей, сплетшаяся в целое искусство. Играла роль — прозрачность или непрозрачность бокала, калибр его раструба, его высота, цвет стекла, сорт вина и пр. и пр.

Постепенность этого процесса, его целительность, польза для книги — и неизбежность благодатного эффекта при правильно подобранных вине и бокале, вероятно, были настолько впечатляющи, что термин еще в XVII веке из библиотек перебрался в манежи и стал обозначать мудрую неспешность, являющуюся залогом неизбежно прекрасного результата.

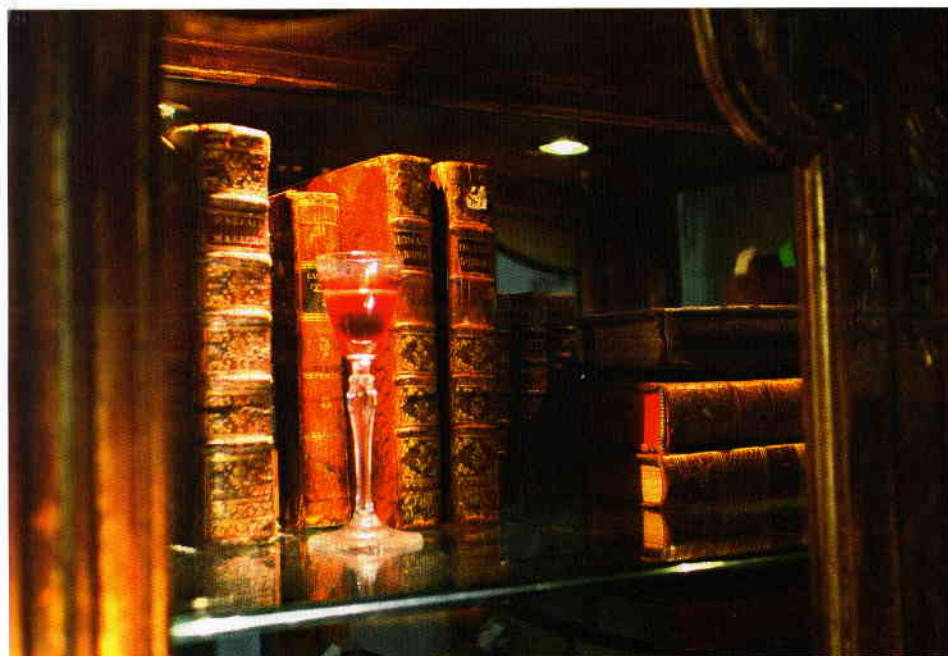
Скрытые от глаз мерные, ювелирные манежные манипуляции преображали любую лошадь.

Лошадь ассоциировалась с книгой, а манежный Мастер — с бокалом, питающим лошадь знаниями, нежностью и энергией, как «дух и эфиры вина питают кожу, золото и бумагу».

Но термин VINUM LIBRARIUM кодировал в себе помимо неспешности процесса и именно как следствие этой неспешности — неизбежность положительного результата, еще и особое качество вина.

Дело в том, что в ту диковатую эпоху, когда возник термин, вино для питья обязательно разводили настоем щавеля или пырея. Это неудивительно, если мы вспомним, что тогда был обычай перчить дыни, рыбу тушить в меду и вообще в вопросах гастрономии и винопития — все было очень и очень затеисто.

Так вот, VINUM LIBRARIUM всегда было чистым вином, беспримесным.

Илл. 6. Vinum librarium

Анализируя этот странный, но такой красноречивый и образный термин, — легко разглядеть, что уже на самых первых порах, самыми первыми Мастерами Школы был открыт *Primus lex* (первый закон) манежных манипуляций. Неспешность. «Изощренное терпение». Наслаждение процессом. Это говорит очень о многом.

В действительности, если чем и можно сразу и очень реально погубить всю манежную работу, так это лишь спешкою и сильным желанием результата. Следствием этого сильного желания будут различные ухищрения, которые незаметно для воспитателя станут все более настырными и силовыми. Ведь чем отличается профан от Мастера? ЖАЖДОЮ результата.

А результат в этом искусстве — такая тонкостная вещь, что чем сильнее его жаждешь, тем изощреннее он ускользает. Первейшее умение при работе «в руках» — **уметь не желать** результата. Профан НЕ УВЕРЕН, что получится, но очень хочет, чтобы получилось, он беспокоится, суетится, нарушает Спатиумы и легко губит дело, портит и дви-

жения лошади, и ее характер, и все время возвращается в исходную точку. А Мастер ТОЧНО знает, что все получится — и даже всегда оттягивает момент установки финальной точки как в общем деле воспитания, так и при обучении тому или иному элементу Школы.

Спешка и напор — примета либо бездаря, либо профана.

«VINUM LIBRARIUM — исцеляет и освежает книгу, когда ему позволено воздействовать на нее верно и постепенно, питая ее день за днем своими эфирами. Но если мы просто плеснем на рассохшуюся книгу вином, мы погубим и книгу и впустую истратим вино. Так же и в манеже, сконцентрировав силу и пастойчивость в одном рывке, мы погубим лошадь и, лишь растворив ту же силу и мастерство в днях многих, — добьемся желаемого» (П.П. 16.30).

Естественно, любые подлинные **стабильные** отношения человека и лошади устанавливаются только при Школьных, абсолютно правильных занятиях. Точных и тонких. При строгом, строжайшем соблюдении всех Интердиктов.

Никаких других способов установления реальных взаимоотношений человека и лошади, кроме как через обучение лошади человеком Школьным элементам «в руках», просто не существует.

Все прочее, все «сверхмерное» все равно должно базироваться на безупречном манежном, Школьном, академическом воспитании лошади «в руках».

Под «сверхмерными» вещами я подразумеваю и самые сложные элементы Высочайшей Школы, и иные невероятные вещи, на которые способна лошадь.

Мыслящие лошади

А вот здесь необходимо будет ненадолго отвлечься. И вспомнить Карла Кралля, Умного Ганса, Вильгельма Фон-Остена, Магомеда, Царифа и всех прочих героев истории об «Эльберфельдских мыслящих лошадях».

Следует, кстати, вспомнить и всю ту силу презрительной ненависти, все глумление, все глупости, которые обычно адресованы этому факту иппологической истории.

Невозможно найти лошадирика, который бы хоть раз в жизни от души не поглумился над многолетним кропотливым трудом Карла Кралля.

Над трудом, который имел строго положительную, восторженную оценку основных профессоров зоопсихологии, психологии, ветеринарии той строгой академической эпохи.

Известно, что подавляющее большинство академических «светил» того времени признали «подлинность и чистоту» экспериментов Карла Кралля⁴.

«Труд Кралля для психологии животных важнее, чем все то, что было опубликовано по этому вопросу за последние несколько столетий».

профессор Х. Зеглер

«Книга Кралля, вероятно, сыграет такую же крупную роль в учении о положении человека в природе, как это в свое время сделал капитальный труд Дарвина».

профессор В. Оствальд

Тот же Оствальд отметил: «Опубликование книги Карла Кралля является, несомненно, самым сенсационным событием, которое когда-либо имело место в учении о психологии животных. И, пожалуй, вообще в психологии».

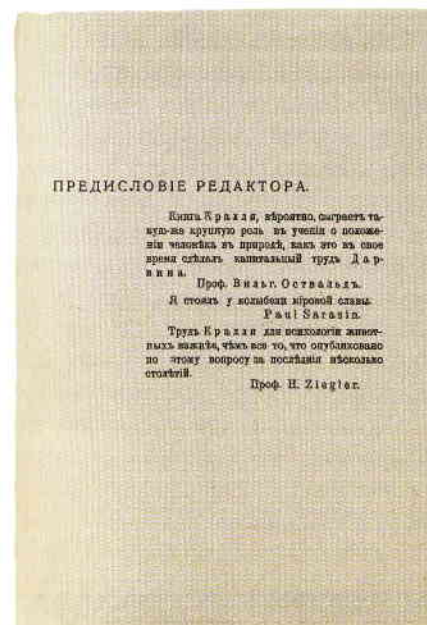
Надо немного знать всю высоту репутации Оствальда, слывшего сухарем и отличавшегося невероятной академической строгостью, чтобы понять всю силу и значимость этого высказывания.

Помимо профессоров Оствальда и Ханца Зеглера, труд Кралля был однозначно признан научным открытием профессорами Шоллером, Женрке, Хардкопом, Гольдштейном, В. Макензи, Х. Кремером, П. Саразинном, Эд. Клапаредой, Р. Ассаджиоли, Л. Плате, Фреденбергом, А. Безредкой (ведущим профессором Пастеровского института в Париже) и очень многими другими, включая фон Келлера, Рих. Шенбека, Э. Цобеля, проф. П. Ферстена, доктора А. Грабова и Г. фон Унруха.

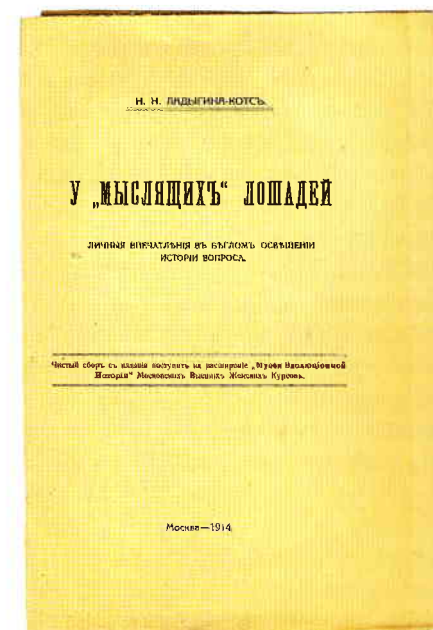
Надо хотя бы чуть-чуть представлять себе степень накала академической строгости, которая была законом науки того времени, чтобы оценить всю мощь этого признания.

⁴ Я бы не рекомендовал для изучения этого вопроса обращаться к современному изданию труда К. Кралля, выпущенного издательством «Грамота+» в 2007 году. Данное издание, увы, является простым отриском с издания 1913 года и, соответственно, бездумно и безграмотно повторяет все его ошибки. В издании 1913 года по непонятному произволу редактора по фамилии Котик была вычеркнута сверхважная глава труда Кралля — «О звуках, издаваемых лошадью», исключены все документальные приложения, фиксирующие ход опытов, и другие важные свидетельства. «Грамота+», как я уже сказал, бездумно скопировала это ущербное издание, предложив современному читателю нечто дремучее, кастрированное, полностью лишённое какого-либо научно-справочного аппарата, лишённое важных комментариев и дополнений, которыми могли бы послужить, к примеру, точные и беспристрастные записки Н. Н. Ладыгиной-Котс, русской очевидицы эльберфельдских экспериментов, издавшей свой труд в 1914 году и многого другого, необходимого для издания научного труда, каким, безусловно, является книга К. Кралля.

В начале XX столетия наука была феерически популярна, но и ревность ученых мужей к чужим успехам и открытиям была гораздо свирепее, чем ныне. Эта ревность порождала редкостную дотошность, вьедливость и придирчивость. Под тысячей микроскопов разглядывалось все, что имело характер хотя бы малейшей новации или претендовало бы на некое «новое слово в науке». Те ученые, что уже создали себе научную репутацию, жили в реальном страхе за нее и прекрасно понимали, что поддержка любого сомнительного начинания эту репутацию перечеркнет навсегда.

Илл. 7. Издание труда К. Кралля, 1913 г.

Илл. 8. Титульный лист «Записок» Н. Н. Ладыгиной-Котс

Надо, кстати, знать и силу злобного психоза тогдашней прессы по поводу всего, что было связано с Краллем. Не существовало ни единого журналистского во всей Европе, хоть в самых глухих провинциальных «листочках», хоть в парижских, венских и берлинских газетах, который не прошелся бы пару-тройку раз по экспериментам в Эльберфельде.

Карикатуристы приобрели новую специализацию, оснащая номера потешными картинками несущих полную околесицу лошадей.

Пресса глумилась над «мыслящими лошадьми», не особенно углубляясь в суть вопроса, но очень успешно окрашивала общественное мнение в резко «анти-краллевские» настроения.

Для любого ученого поддержать «мыслящих Эльберфельдских лошадей» означало тогда — вызвать на себя огонь очень изощренного глумления газетчиков, стать героем издевательских фельетонов и карикатур.

Следует помнить, что в чопорной Германии или Англии тогда еще это воспринималось сверхболезненно.

Особенно учеными людьми, впечатлительными и робкими.

А публично, всерьез высказаться в пользу подлинности и важности открытия Кралля — было просто равносильно научному самоубийству.

Тем не менее большая часть выдающихся ученых того времени — все же высказывается, однозначно говоря о том, что Эльберфельдские эксперименты Кралля **доказывают** наличие у лошадей способности сложно и логично мыслить, обобщать, делать поразительные выводы, понимать речь существ другого вида и демонстрировать другие признаки реального и полноценного разума.

Все вышеупомянутые ученые решились поставить свои подписи под протоколами, признающими однозначную — и огромную, сенсационную ценность открытия Кралля для науки.

К этому следует добавить, что ВСЕ без исключения профессора, давшие положительную оценку работе Кралля или признавшие за фактом его экспериментов статус капитального научного открытия, — **были очевидцами экспериментов (или их участниками)**.

Следует помнить также и то, что из всех противников Кралля, бывших авторами т. н. монашеского протеста, только **ОДИН**⁵ человек реально был в Эльберфельде и наблюдал лошадей Кралля.

Суть протеста, оглашенного на конгрессе зоологов в Монако в 1913 году, — сводилась, кстати, не к отрицанию открытия Кралля, а лишь к тому, что однозначных выводов делать не следует, пока Карл Кралль не предоставит своих лошадей для всех видов исследований, в том числе и для исследований физиологического характера, которые в то время проводились с применением тех модных методов, которые почти неминуемо приводили к смерти или инвалидности подопытных существ.

Более того, оппоненты Кралля в своем «монашеском заявлении» требовали **полной передачи «экспериментального материала»** (т. е. лошадей) в руки (оппо-

⁵ Имеется в виду ветеринарный врач С. Вигте.

нентов) противников Кралля для их полного и детального лабораторного обследования⁶.

То есть Магомед, Цариф, слепой Берто и пони Генсхен, как минимум, должны были подвергнуться обязательной эзофаготомии, затем хирургической установке фистул, воздействиям электротока и другим смертельным для лошади процедурам. (При эзофаготомии перерезается пищевод, концы его выводятся наружу, при установке фистул — специальных трубочек — производится, естественно, хирургическое проникновение в желудок и пищевод, с помощью электрошока исследуется типичность или аномальность других физиологических реакций.)

То есть для мыслящих лошадей Кралля были приготовлены все методы типового лабораторного исследования «аномалий у животных».

Комиссии противников «Эльберфельдских лошадей» требовали, прежде всего, доказательств физиологической типичности исследуемого «материала», что было, кстати, вполне логично и научно, но неминуемо привело бы к гибели лошадей.

Впрочем, в способности комиссий противников пойти на самые крайние исследовательские меры никто и не сомневался.

Одним из самых яростных противников Кралля был военный хирург, доктор Иоаханн Хабарт, очень эффектный и авторитетный старик, считавшийся большим специалистом в лошадином деле.

Доктор очень остроумно высмеивал в своих статьях «мыслящих лошадей» и самого Кралля, читал «антикраллевские лекции», в которых слова «клоун» и «шарлатан» были еще самыми мягкими.

Чем же занимался сам доктор Хабарт?

Прямые ссылки на его деятельность, покопавшись в хирургических «Вестниках», можно найти в труде ординатора Варшавского военного госпиталя доктора А. А. Игнатова «О лечении огнестрельных ран живота».

Цитирую: «Habart, производя опыты на живых лошадях, находил, что мелкие отверстия кишечной стенки от малокалиберных пуль склонны закрываться, если пуля пробивает стенку в косом направлении. Наиболее тяжелые кишечные раны причиняют оболочечные пули в пределах первого пояса (около 400 шагов), в особенности при наполненном состоянии желудка и кишек».

⁶ Тем самым нарушался естественный закон научной этики, по которому любой сомневающийся в подлинности эксперимента в качестве экспериментального материала обязан был САМ подготовить себе идентичный «экспериментальный материал». Тем паче что Кралль настаивал, что его лошади не являются неким исключением, что данные особенности присущи вообще ВСЕМ лошадям, без различия породы или возраста.

То есть доктор Хабарт тоже проводил эксперименты, стреляя в живых лошадей пулями различных калибров, с различного расстояния. Лошади подбирались разных возрастов, разных пород, с разной «наполненностью желудка».

Расстреляв в живот очередную лошадь, доктор Хабарт добивал ее и вскрывал, исследуя ранения кишечника и желудка.

По тем временам это было вполне научно и считалось нормальным, а производивший такие эксперименты исследователь вызывал зависть и восхищение коллег своей смелостью и передовитостью, труды его признательно цитировались и переиздавались.

Более того, Хабарт почитался как «глубокий и всесторонний знаток лошадей и лошадиного поведения».

Будем откровенны, не все противники Кралля были такими, как доктор Хабарт, которого, кстати, нет среди подписантов «монашеского протеста»⁷.

Среди противников Кралля были и очень серьезные и очень именитые ученые. Несравнимые, конечно, «по весу» ни с Вильгельмом Оствальдом, ни с Эдвардом Клапаредой, ни с Александром Безредкой. Но все же ученые.

Нарицательными персонажами «антикраллевской стороны» стали два психолога, Штумпф и его ученик Пфунгст.

В низкопробной популярной «конской» литературе в качестве «разоблачения» эльберфельдских экспериментов обычно приводится именно их точка зрения, заключающаяся в том, что лошади получали некие сознательные и бессознательные знаки от экспериментаторов и именно по этой причине давали правильные ответы на сверхсложные вопросы⁸.

Малограмотные авторы и составители такого рода книжек или публикаций — просто не удосужились узнать, что штумпфско-пфунгстская «теория» пала самой первой, убедительно опровергнутая и развенчанная серией специальных экспериментов. И более никогда не рассматривалась всерьез даже самыми оголтелыми противниками «мыслящих лошадей».

⁷ Хабарт был хирургом и баллистиком, не имел профессии зоолога или ветеринара, а в Монако для составления и подписания «протеста» тогда собрались именно зоологи и ветеринары.

⁸ Стоит особо отметить, что, когда предполагаемые тайные знаки были как-то классифицированы и описаны Штумпфом, эти знаки были опробованы непосредственно на нем самом. Штумпфу была задана математическая задача, и для помощи в ее решении поданы «тайные» знаки. Несмотря на эти знаки, Штумпф, в отличие от лошади, ничего решить так и не смог.

Вместо штумпфско-пфунгстской «теории» появились следующие основные версии, которыми ученый мир некоторое время объяснял феноменальные способности лошадей Кралля:

1. Прямой обман зрителей, основанный на электрических сигналах, «подаваемых лошади посредством проволоки, проложенной под полом».
2. Неведомая дрессировка, доведенная до совершенства.
3. Изобретение некоего «условного языка», когда Кралль «кодировал» правильный ответ в невинном на слух слове или фразе, вроде фразы «левую ногу как следует!».
4. Телепатия.

Все эти версии, одна за другой, были опровергнуты различными независимыми комиссиями.

Что очень характерно — НИ ОДНА из этих версий даже не упоминалась в «монашеском протесте», который, по сути, обобщил и суммировал все раздражение, все негодование общественности и части научного мира в адрес Эльберфельдских исследований.

«Монашеский протест» — это уже самый финал драмы, реальное подведение итогов. Если внимательно прочесть текст «протеста», то легко заметить, что от всех сущностных обвинений не осталось и следа. В нем нет ни пфунгстских «произвольных и непроизвольных знаков», нет, разумеется, ни телепатии, ни «электрической проволоки». В живых осталась лишь формулировка, что **«опыты Кралля, запротokolированные учеными зоологами и психологами Циглером, Сараззинном, Кремером, Клапаредой и прочими профессорами, следует считать недоказанными и в высшей степени невероятными».**

А на возникающий естественный вопрос: почему их следует считать таковыми, в этом же протесте следует потрясающий ответ: **«Так как эти опыты дискредитируют вновь расцветающую в науке и с трудом разрабатываемую область психологии животных».**

И более — ничего⁹.

Я всего-навсего изложил хронологию вопроса и его историю, причем очень сухо и по возможности беспристрастно. Вероятно, можно было быть еще беспристрастнее, еще суше, но принципиального изменения картины все равно бы не произошло.

⁹ Следует помнить, что «монашеский протест» — это документ, с которого, по сути, началась эволюция с ее проповедью лошадиной примитивности, тупости и безмыслия. Результаты исследований Кралля действительно душили этого младенца прямо в колыбели, так что ярость зоологов очень даже понятна.

Все равно мы бы имели в сухом остатке факт положительной, восторженной оценки открытий Кралля виднейшими учеными и специалистами того времени, **признавшими доказанным** способность лошади логически мыслить, выстраивать сложные интеллектуальные конструкции, решать очень сложные задачи интеллектуального характера.

Иными словами — Эльберфельдские эксперименты имеют крайне серьезную поддержку науки, имеют мощную, поименную сертификацию их подлинности и невероятной значимости.

Да, они имеют и противников, доводы которых были девальвированы и разрушены один за другим. Да, разрушение доводов было наглядным и несомненным, но это не снизило накал неприятия, все противники, хоть и лишённые доводов, остались противниками¹⁰.

Да, эти противники Эльберфельдского открытия тоже имеют статус и научный авторитет, и с этим надо считаться.

Но по существу вопроса, по масштабу имен сторонников и безупречности доказательной базы — факт Эльберфельдских открытий имеет право если и не на заслуженный триумф, то хотя бы на неоднозначную оценку, хотя бы на некую двойственность и внедрение очень серьезных сомнений в стереотип восприятия человеком лошади.

Кралль и его дело вполне имели право хотя бы на огромный, пылающий знак вопроса в иппологической истории¹¹.

Вопроса, который мог бы дожидаться ответа.

Но восторжествовали «этологи». Проповедники лошадиной примитивности, «табунности» и тупости.

Под их руководством Кралля зашельмовали так, что в истории он остался приуроченным мистификатором, нелепым клоуном.

«Этологическое» и конноспортивное быдло — не имевшее и не имеющее к науке ни малейшего отношения, без единого эксперимента, без малейшего усилия вывело-таки доктора Карла Кралля «на чистую воду», объявив его исследование шарлатанством, глупым цирком и откровенной ложью.

¹⁰ Характерный пример разрушения доводов оппонентов: в ответ на обвинение Кралля в подаче им тайных знаков, которые служат лошадям подсказкой, Кралль покидал помещение конюшни, где проводились эксперименты, предоставляя проводить их либо самим оппонентам, либо и вовсе «третьим лицам». Результаты экспериментов от этого НЕ МЕНЯЛИСЬ.

¹¹ Можно (и нужно) сомневаться в правильности трактовки Краллем лошадиного языка, он был первооткрывателем и имел право на ошибки в трактовках. Впрочем, говоря по совести и по разуму, для того чтобы иметь мнение о методе Карла Кралля, — надо владеть методом Карла Кралля как минимум на его уровне, а для совсем авторитетного суждения — на превышающем.

Более того, именно этот взгляд канонизировался и стал единственным. Именно эта (не основанная ни на чем и противоречащая истории и науке) точка зрения становится господствующей и расплзается по умам через популярные книжки, статьи и конюшенный фольклор. Любая навозная девочка при упоминании Кралля считает своим долгом ухмыльнуться и сказать глумливую гадость. Почему же его так шельмуют?

Почему посмертное обгаживание загадочного голубоглазого старика и двух его ученых жеребцов — является таким важным, таким принципиальным делом для навозных девочек?

Да потому, что если прав Кралль, то с лошастью нельзя делать того, что так хочется делать с нею спортсменам.

Признанное наличие разума и, соответственно, личности — сразу переводит лошадь в совершенно другую категорию существ.

Эльберфельдские эксперименты, в случае признания даже их частичной подлинности, вынудили бы полностью переиначить отношение человечества к лошади.

Но «спортсменам» надо, чтобы лошадь оставалась лишь программируемым мясом. Без души, разума, способности страдать.

Мясом, которое можно без всякого зазрения совести сперва пытаться для забавы, а потом съесть.

Мастер Кралль и его Эльберфельдское открытие, сильно мешающие этому положению вещей, естественно, должны были быть ошельмованы и уничтожены в общественном сознании.

Что и произошло.

Карл Кралль мертв и обесчещен. Как и его лошади.

Я неслучайно позволил себе столь длинный текст, который кажется неким отступлением от основной темы «Трактата».

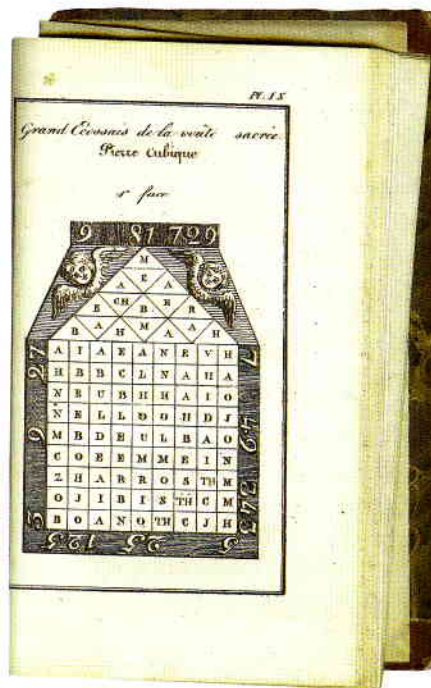
Но это обманчивое впечатление. Отступления — нет.

История Эльберфельдских опытов — имеет самое прямое отношение к искусству работы «в руках».

И что меня всегда очень забавляло: главная загадка Кралля — всегда оставалась незамеченной и неразгаданной.

И дело даже не в том, что Кралль был масоном одной из самых закрытых и высокоинтеллектуализированных лож, Мастером, который гарантированно читал и изучал закрытые книги Школы.

В его труде содержится несколько прямых цитат из «Прецепции», размещенных там вроде бы без особой необходимости и, как я полагаю, имеющих задачу лишь дать простое указание на статус автора и подать некие сигналы «нужным» читателям.

Илл. 9. Таблицы Великой Ложы

менты были возможны только с лошадей, получившей идеальное Школьное воспитание «в руках» и «на свободе».

Очень неслучайно, еще до всякой «математики» Кралль легко — с фантастической непринужденностью учит лошадей «шаппу», «кадрану», ржанию по команде, шевелениям губами и прочей чисто «Школьной» латыни (т.е. базовым упражнениям Школьной работы «в руках»).

Этого, что забавно, в книге Кралля — не замечает никто. Никто не обращает внимание на эту **подсказку**.

Впрочем, даже если брать не сам фолиант Кралля, не его собственные свидетельства о себе, а свидетельства очевидцев-современников, то, к примеру,

Иногда Кралль откровенно «шалил», почти полностью копируя для обучающихся таблиц — сакральные таблицы Великой Ложы, точно воспроизводя порядок символов и общую стилистику.

Очень забавно, но 100% читателей совершенно не обращают внимания на архилюбопытные подробности его книги. А все так очевидно и так просто!

«Заточенные» на оценку научной деятельности автора, на математические или интеллектуальные сенсации, горящие желанием опровергнуть или согласиться с глобальными выводами Кралля — ВСЕ пропускают мимо глаз тот факт, что, занимаясь с двумя очень сложными жеребцами, Кралль невзначай показывает себя виртуозным, опытейшим мастером «работы в руках».

Более того, профанам, далеким от Школы, — не видно и не понятно, что ВСЕ без исключения эльберфельдские экспери-

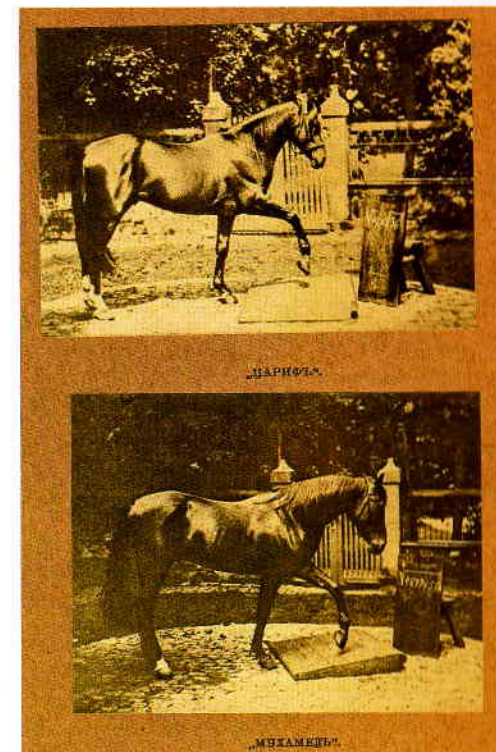
у Н.Н.Ладыгиной-Котс на 10 странице ее «Личных впечатлений» описание 30 различных движений, которые демонстрируют лошади Кралля по его просьбе: «Поверни голову, отступи на шаг, сделай шаг вперед, подними ногу, повернись вокруг (себя), подойди, отойди, закрой дверь, подними палочку, дотронься до доски, стой, наклонись, поздоровайся, раскланяйся, заржи, стань параллельно скамье, под прямым углом и т.д., и т.д.»

Причем все эти действия совершаются легко, по голосовой просьбе или по соответствующему приглашающему движению руки. И легчайшему совершенству их исполнения — **не придается никакого значения**.

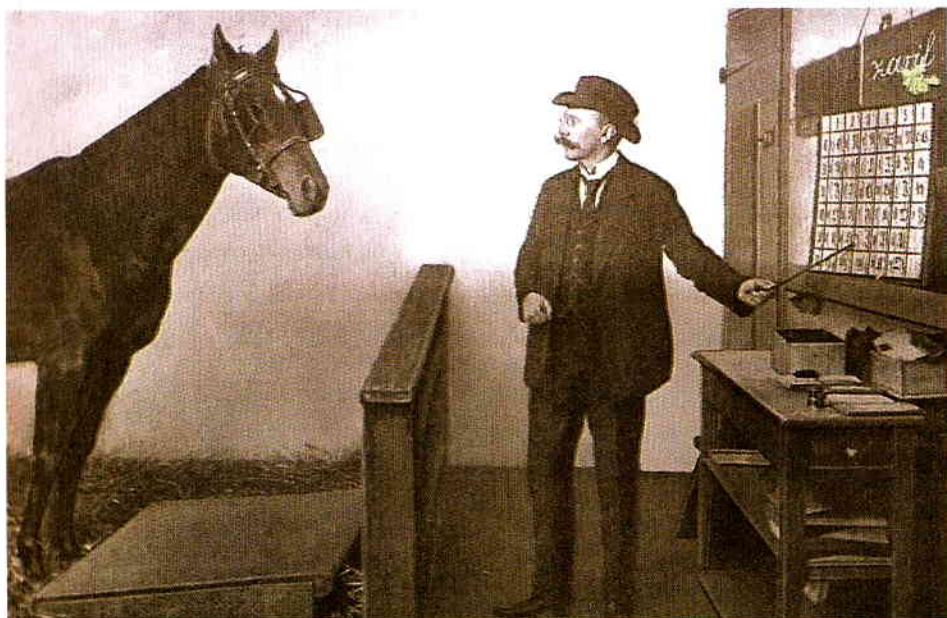
Если внимательно рассмотреть две самые знаменитые фотографии «мыслящих лошадей» и отвлечься напрочь от их математической подоплеки, то мы, прежде всего, увидим двух жеребцов **без железа** во рту, в легких недоузках, нахрапный ремень которых поднят и **закреплен** выше начала плоского шва, делающего носовой отросток, т.е. не причиняет болевых ощущений (см. илл. 10). Человека рядом нет. Корды — нет. Никаких ограничителей нет. Чистая свобода.

И оба жеребца на свободе выполняют некие элементы, которые требуют очень продолжительного пребывания на одном месте, очень долгой, энергичной и сосредоточенной работы то одной, то другой ногой. Не стихийного копательства или долбежки, а именно нормированных тщательных отстукиваний, число которых доходило в иных экспериментах до 250.

Мы располагаем как минимум сотней свидетельств того, что лошади Кралля именно ТАК себя и вели во время экспериментов. И не меньшим количеством

Илл. 10. Чистая свобода

Илл. 11. Цариф в уздечке, но без железа

показаний того, что и у Мухаммеда, и у Царифа были нормальные живые темпераменты, а у Мухаммеда даже избыточно живой.

Даже если бы этой сотни свидетельств и не существовало, тогдашнее несовершенство фотографической техники, применение магния, сложность штативирования аппаратов — полностью исключают «подловленность» момента. А фотографий, зафиксировавших именно такое поведение лошадей Кралля, — десятки и сотни.

Это дает нам право с уверенностью говорить, что такое поведение лошадей — было типичным, стандартным.

Есть и другая, не менее известная фотография, на которой изображен Цариф.

Лошадь в уздечке, но железо демонстративно снято.

Следовательно (помимо всех сенсационных тонкостей про мыслительные способности), мы имеем в лице Мухаммеда и Царифа образчик нормальной Школьной работы «в руках», причем очень и очень виртуозной, что, безусловно, позволяет отнести краллевских лошадей к Школьным.

Более того, при тщательном изучении трудов Кралля (на стр. 99 издания 1913 года) мы обнаруживаем «невзначай» упомянутую штатную силовую Школьную работу с лошадыю. На свободе. Галоп на свободе, псады на свободе. Ритмизацию и остановки. Осаживание на голос. Снова псады.

Только по голосу.

Причем все — в строго приписанном Школой порядке.

Кто же он такой, Карл Кралль?

Кто этот Человек, который легко дает лошади типичное Школьное воспитание, получая идеальное поведение на свободе и «в руках», добиваясь совершенства поведения свободной лошади и не придавая этому никакого особого значения?

То, что является недостижимым идеалом, мечтой сотен тысяч лошадиников, — у Кралля получается, мягко говоря, непринужденно — и служит лишь ступенью, которая позволяет ему перейти к экспериментам, доказывающим наличие у лошади очень высокого разума.

Причем то, что делал Кралль именно по части воспитания, настолько мастеровито, что может быть объяснено лишь ежедневными профессиональными занятиями с лошадыю при полном знании и полном соблюдении всех Школьных канонов.

По легенде же Кралль мало имел к лошадям отношения до своих экспериментов. По легенде он просто присоединился к фон Остену, желая помочь тому в первых, еще неловких опытах с Умным Гансом.

И когда Остен, зашельмованный и затравленный пфунгстами, умер, Кралль перевез к себе Ганса, позже приобрел Магомеда и Царифа — и продолжил дело Остена.

А если взять формальную сторону биографии Кралля, то мы увидим очень богатого промышленника-ювелира, имеющего фабрику, производящую драгоценности, имеющего сеть ювелирных салонов в Германии и Европе.

(Его занятия лошадьми никогда не имели даже малейшего привкуса корысти.)

Приглядевшись чуть тщательнее, мы увидим очень влиятельного и просвещенного масона, принадлежащего к самой могущественной ложе, объединяющей элиту провинций Европы.

Мы, **возможно**, не разглядим его подлинного звания в ложе и его положения в иерархии каменщиков, но это и не важно.

Но сквозь образы бюргера-ювелира, странного ученого масона — все отчетливее, если приглядываться пристально, — просвечивает подлинный лик Карла Кралля, лик Мастера.

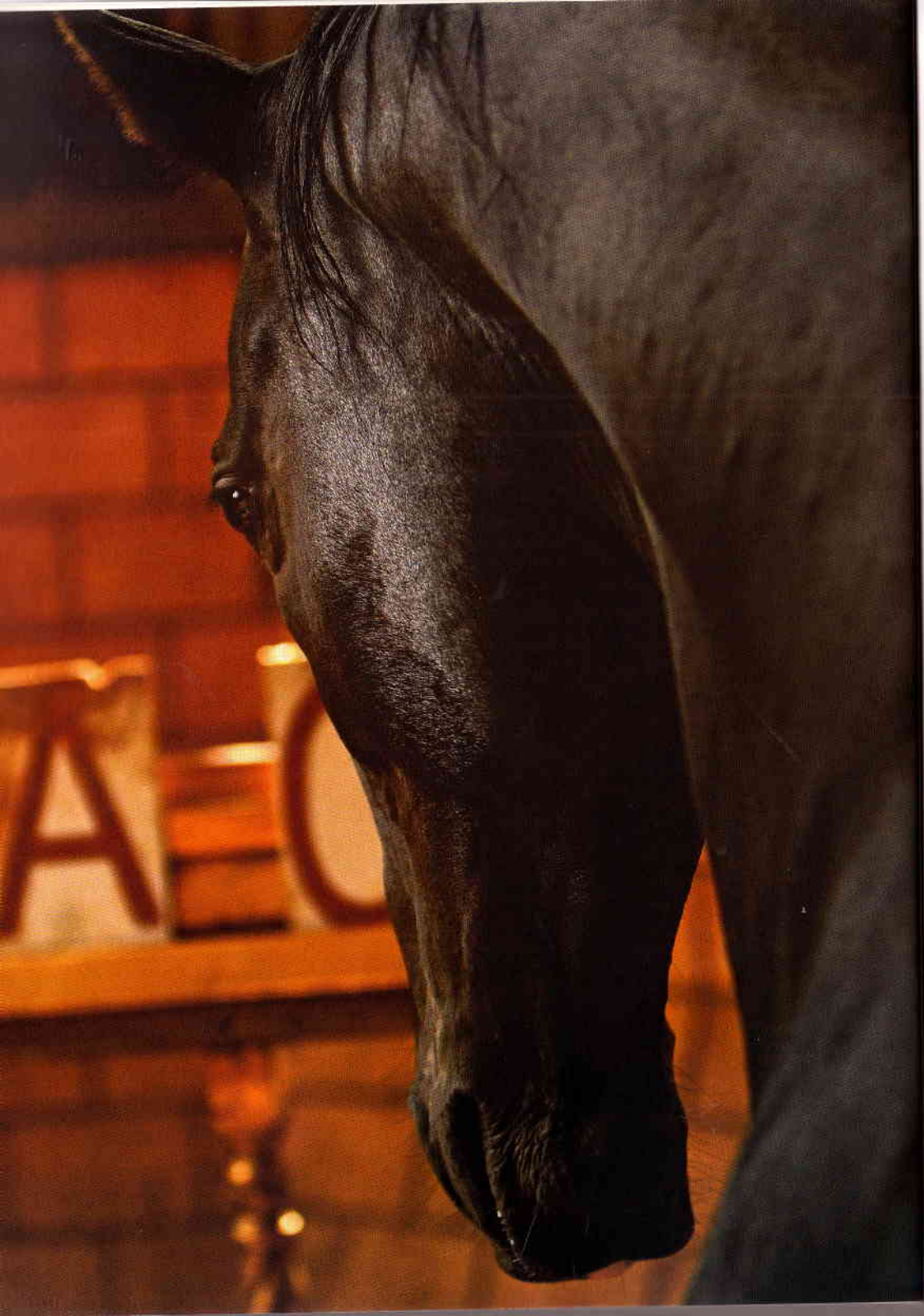
Впрочем, **все** эти подробности уже мало имеют отношения к данному «Тракта́ту». Если Кралль так тщательно и умело напустил в свою подлинную биографию такого тумана, — то было бы, вероятно, полнейшей бестактностью его развешивать.

Оставим Эльберфельдскому Мастеру право на его тайну.

Lectio Equaria Palaestra

глава вторая

Разумеется, я очень неслучайно упомянул Карла Кралля и его кажущиеся такими поразительными успехи *работы «в руках»*.

Дело в том, что Карл Кралль, вне зависимости от оценок, которые получал от современников и еще получит от потомков, ничего нового не изобрел.

Он лишь очень умело и очень вовремя воскресил забытую, но реально существующую Школьную методику — LECTIO EQUARIA PALAESTRA (манежное чтение).

LECTIO EQUARIA PALAESTRA — это очень старая Школьная техника, благодаря которой абсолютно любая лошадь быстро и легко учится считать и читать, постигая вроде бы столь чуждый ей язык человеческих цифр и букв.

Школьные методики рекомендуют останавливаться на определенном уровне LECTIO EQUARIA PALAESTRA (постижение алфавита, умение составлять легкие слова, цифирь, простой счет), но, как вы сами понимаете, по причине великолепного лошадиного интеллекта эта практика безгранична, и, совершенствуясь именно в ней, можно получить результаты, идентичные «краллевским». Совершенно не важно в данном случае, как именно Краллю стала известна эта методика и кем она была ему передана.

Важно, что он великолепно ею воспользовался. Кстати, будучи очень талантливым воспитателем, — он существенно развил и обогатил ее, открыв несколько новых приемов обучения.

Помимо всего прочего Карла Кралля можно благодарить еще и за то, что он по сути легализовал LECTIO EQUARIA PALAESTRA, позволив открыто о ней говорить, но очень аккуратно «обошел» важнейшие методические вопросы, демонстрируя всегда не совсем полную картину.

У явления по имени «эльберфельдские ученые лошади» есть любопытная предыстория, которую полезно, да и необходимо знать.

Именно к этому, «краллевскому», времени, к концу XIX столетия — многие обиходные манежные дисциплины Школы уже были почти полностью развиты и вульгаризированы в цирке и различных шоу.

Школа как хранитель истины о лошади теряла позиции именно потому, что ее приемы и методики научения Школьным элементам стали известны уже очень многим и жестоко извращены средой безграмотных «лошадников» того времени.

«Утечки» манежных секретов начались еще в XVIII столетии, с очень неумного и жадного Гериньера, который готов был продать любому извергу и проходиму все свои знания.

Гериньер первый ввел в обиход торговлю Школьной наукой, а прекратить это распутство с помощью клинка или яда, увы, возможным не представлялось, так как эпоха тайных тамплиеров, богатых интеллектуалов и мудрецов, ревнивых к Школьным секретам, уже закончилась, и попросту некому было напять брави.

С легкой руки Гериньера предательство вошло в моду, и его дело продолжили Мануэль Карлос Д'Анраде, Антуан Картье Д'Ор, вся школа Ричарда Беренджера, Алексис Л'Отт, Жак де Сан-Фаль, все Веройтеры (Адам, Франц, Антуан, Готлиб и Макс).

На самом деле чернейший список тех, кто раскрывал методики Школы, не задумываясь о человеческих качествах и намерениях учеников, а лишь добывал уроками славу и луидоры, — был очень велик и не ограничивается указанными выше именами.

Надо понимать, отчего это произошло. Блестящих интеллектуалов (второе поколение Мастеров) сменило не очень умственно одаренное офицерство, движимое на внешних эффектах и заработках, при этом поверхностно знающее техники Школы.

Часть книг, увы, стала общедоступной. Особенно постарался опять-таки Гериньер со своей «Ecole de cavalerie», показавший, как легко из самых священных идей и умений делается самый вульгарный ширпотреб.

Естественно, Школа сопротивлялась.

Впрочем, Мастера, не имевшие лидера, подобного Плювинелю, который легко (в подобных случаях) пускал в ход клинок или веревку, — уходили во все большее в чистую оборону, совершенствуя засекречивание манежных методик.

Это была робкая тактика, но, кстати, достаточно эффективная.

Вот поразительно наглядный ее пример:

Барон Эйзенберг с 1730 года по коллегиальному поручению противостоявших Гериньеру манежных Мастеров разрабатывает единый реестр манежных элементов и словарь манежных терминов. («Description du manege moderne» и «Dictionnaire des term du manege moderne».)

Эти два труда были, есть и, вероятно, будут еще долго — самым полным и авторитетным Школьным пособием, полным академическим сводом манежных элементов, фигур и терминов.

«Description du manege moderne» и «Dictionnaire des term du manege moderne» были напечатаны всего лишь один раз, в 1747 году, причем ничтожно малым тиражом то ли в 125, то ли в 127 экземпляров¹.

Тираж Эйзенберга был так мал, поскольку книга была предназначена (присмущественно) для «своих», да и разошлась (преимущественно) среди «своих».

В частности, великолепный экземпляр на иллюстрации (по реестру № 41) принадлежал манежному Мастеру Франсуа де Люберсаку.

С этим экземпляром связана забавная история.

Люберсак, серьезно приболев и уже собравшись умереть, — завещал его своему ученику Монфоккону де Рогль.

Извещенный о близкой кончине учителя, приехал Монфоккон.

Приехал проститься и поплакать на похоронах.

Люберсак, осиянный свечами смертного одра, очень торжественно сам передал книгу ученику.

Через три дня Мастер Люберсак, вместо того чтобы умереть, — почувствовал себя лучше... выздоровел и первым делом отобрал у де Рогля завещанную ему и торжественно врученную книгу.

В результате от расстройств умер приехавший на похороны де Рогль, а Люберсак прожил еще шесть (кажется) лет.

В данном случае я привожу этот случай не как исторический анекдот, а лишь как иллюстрацию очень высокого статуса «внутришкольных» книг, которые и передавались, и дарились, и продавались, и завещались среди достаточно тесного круга манежных Мастеров того времени.

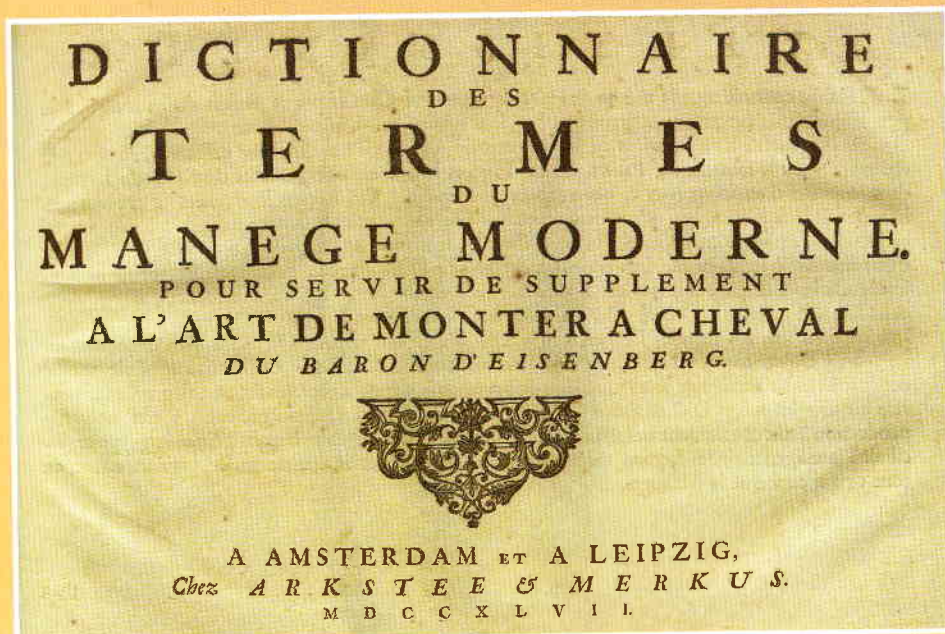
Но это так, к слову.

Основная интрига, впрочем, заключена, конечно, не в этом конкретном экземпляре, а в самом издании.

¹ По пока Эйзенберг созидал, а Школьный гравер Пикар терзал гаагскую медь, добываясь заурядного совершенства всех 59 иллюстраций книги, Гериньер успел издать свой вседенный ширпотреб — аж пять раз.

Илл. 12. «Description du manege moderne»

Илл. 13. «Dictionnaire des termes du manege moderne»

Эйзенберг снабдил все 59 гравюр своего труда весьма загадочными 59 надписями, которые никакого отношения к изображениям категорически не имели. Гравированные с невероятным искусством и точностью, анатомически совершенные тер-а-теры, галопы налево, пируэты, амбли, иллюстрирующие книгу, — имели в левом верхнем углу странные обозначения, к примеру: *le monarque, le barbe, le loyal, le bijoux, le resolu, le commode, le superbe* и так далее.

Станным и не имеющим к изображению ровно никакого отношения словом снабжена каждая без исключения гравюра.

Подчеркнутый академизм, предельная строгость и весомость книги, анатомическая выверенность изображений², суровая прямота учебных текстов, естественно, исключают любую игривость или легкомыслие, которые возможны были бы в поэтическом сборнике или на крышке бонбоньерки.

Дилетант, даже если обратит внимание на эти странные слова, — ни черта не поймет, сочтет это казусом, случайностью или типографской ошибкой.

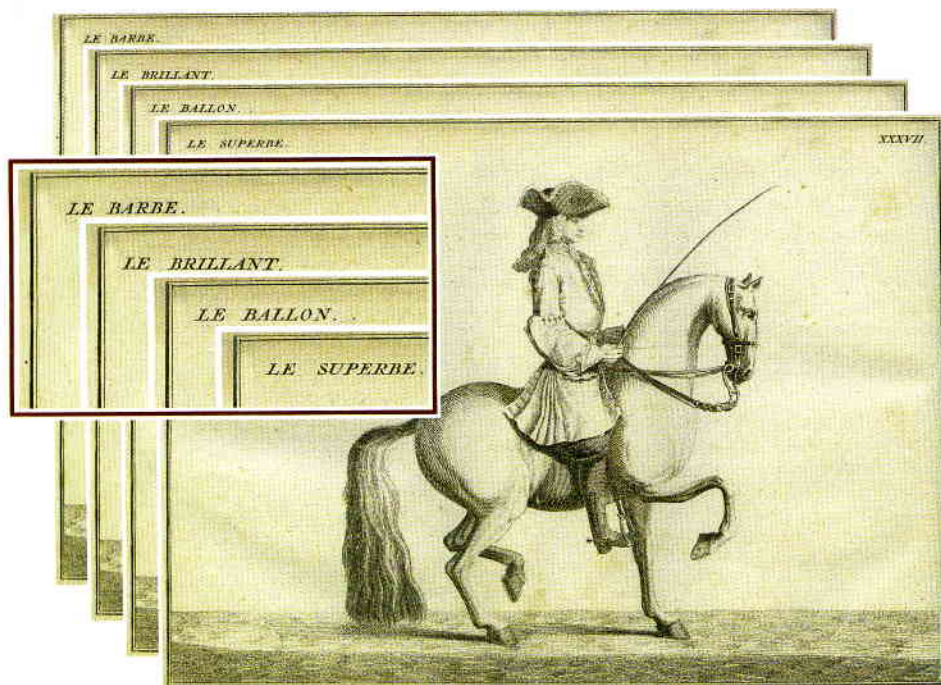
Но при знании определенного ключа — эти слова, разбросанные по всей книге, за счет правильного присоединения друг к другу и к определенным параграфам основного текста, на каждой новой гравюре складываются в достаточно важные, по мнению Эйзенберга, — поясняющие секретные тексты, которые никогда даже не увидит в книге тот, кто не знает кодового ключа.

Причем кодировка сделана так виртуозно, что объем «невидимого» текста порой превышает объем текста видимого.

Илл. 14. Lectio Equaria Palaestra

² Анатомическая «выверенность» с поправкой, разумеется, на то время.

Илл. 15. «Description du manege moderne». Гравюры

Конечно (будем справедливы), это не такая уж редкость, но подобные коды, автором которых считается гениальный ученый Кирхерий (Кирхериус), использовались в основном в трудах по каббалистике, алхимии или в трудах самого Кирхерия по магической иероглифике. (Athanasi Kircherii. OE DIPI AEG. Magia Hieroglyphica. Classis XI, anno MDCLIII. ROME.)

Иногда, впрочем, дело не ограничивалось кодировками или иными пассивными формами. Достаточно вспомнить, что по отчетам парижской полиции так и осталось совершенно непонятным, как именно смогла сорваться с массивного кованого крюка та большая цирковая люстра, которая так своевременно и метко упала на Франсуа Боше.

Боше был особенно бесстыж по части обучения праздной публики и не слишком, как свидетельствуют современники, сообразителен. Но даже он понял намек, когда на него вдруг рухнуло 25 килограммов золоченой бронзы, и, едва выздоровев, «открытые уроки» он все же прекратил.

Короче, налицо была попытка сохранить от черни лошадиного мира хотя бы часть знаний.

Попытка, в общем, удачная, так как те же «скрытые тексты» в труде Эйзенберга никогда в открытом доступе не оказались, не были ни опубликованы, ни размножены, ни оглашены каким-либо иным образом. Есть надежда, что и не будут. Пример с книгой Эйзенберга я привел лишь потому, что он очень живописен, нагляден и предельно понятен, но вообще, примеров успешного сокрытия информации, конечно, к счастью, немало.

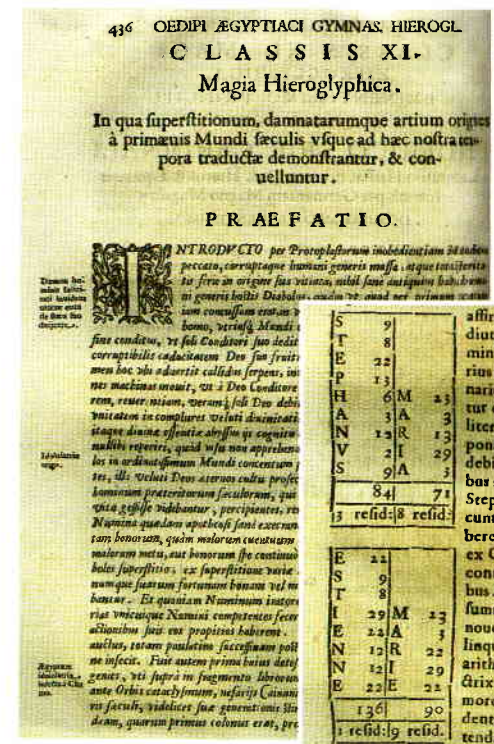
Причем все эти сокрытости касаются, как правило, лишь работы «в руках».

Прежде всего потому, что работа «в руках» — гораздо более тонкое и высокое искусство, чем всадничество.

И котиновалась она всегда гораздо выше и всегда была уделом только Мастеров.

Чтобы «далеко не ходить», возьмем снова Эйзенберга и увидим, что в его суммирующем, могучем, авторитетном труде, являющемся, по сути, Школьной энциклопедией, — НИ ЕДИНОГО слова не сказано о методике работы «в руках». Хотя известно, что основные принципы работы «в руках» были разработаны еще Плювинелем и были запечатлены Криспианом де Па³.

Существенно во всем этом то, что некоторая предельно важная часть манежных знаний была сохранена, не пошла по рукам и всерьез проявилась лишь в очень чистом и очень благородном контексте эльберфельдских экспериментов или в иных ситуациях достаточно «высокой пробы». При том что и Кралль, и другие основывались

Илл. 16. Athanasii Kircherii. OE DIPI AEG. Magia Hieroglyphica

³ У Плювинеля большая часть иллюстраций — это именно работа «в руках», хотя на спине лошади иногда находится «всадник». Но всадник служит пассивным грузом, а все делает находящийся рядом в характерной позе Мастер, туширующий или указующий.

именно на старом Школьном секрете, на успешно скрытой от черни методике LECTIO EQUARIA PALAESTRA.

Не следует полагать, что тщательно скрываемые Школьные секреты все пригодны к использованию сегодня в их натуральном виде, но именно они являются единственной, великолепной и полноценной информационной базой, основываясь на знании которой возможны правильные выводы о регулировке поведения и воспитании лошади.

Сразу хочу предупредить, что для изучения этого вопроса все варианты интернет-изданий, позднейшие перепечатки типографического производства или репринты старых книг — абсолютно непригодны. Серьезное знание возможно ТОЛЬКО на основании изучения подлинных живых книг и только прижизненных изданий, либо изданий строго определенного года⁴.

Красноречивый пример — книга А. Де Плювинеля.

Подлинной считается (и справедливо считается) лишь издание 1625 года, т. н. первое полное посмертное, печатавшееся под непосредственным надзором Де Мену, ученика, единомышленника, ближайшего друга и душеприказчика гения Школы. В книгу, изданную в 1666 году, — уже были (под давлением иезуитов) внесены значительные изменения, во многом исказившие ее смысл.

На сегодняшний день основные принципы манежной работы «в руках» базируются на нескольких очень простых вещах:

1. На умении основывать весь процесс обучения на блистательном разуме лошади.
2. На умении не причинять лошади боль или неудобство.
3. На виртуозном знании лошадиной анатомии и физиологии, которое естественным образом преобразуется в «анатомическое мышление», помогающее с помощью анатомии разгадывать любые загадки лошадиного поведения.
4. На умении быть строгим, настойчивым и при этом бесконечно нежным.
5. На живой и искренней любви к Школьным Интердиктам, на полном понимании их смысла и безоговорочном исполнении.
6. На знании того, что манежная работа — это ежедневный, постоянный, кропотливейший труд. Но... только для воспитателя, а не для лошади.

⁴ Играет роль все, без исключения. Даже изменение нумерации страниц, неизбежное в репринтах или переизданиях, может обесмыслить коды, я уж не говорю о других неизбежных переменах, которые претерпевает книга. И вообще, следует крепко запомнить, что изучение и постижение всегда требует первоисточника во всех смыслах этого слова, а прочие читательские манипуляции с перепечатками являются лишь простым ознакомлением с содержанием.

Итак, что же такое LECTIO EQUARIA PALAESTRA?

Это простая манежная дисциплина, заключающаяся в раскрытии для человека интеллектуальных способностей лошади и дающая лошади возможность убедиться в наличии интеллекта у человека.

Второе, по сути, даже важнее первого.

Технически и событийно LECTIO EQUARIA PALAESTRA (на первом этапе) — это воспитание в лошади четкого и точного знания алфавита, умения различать и читать буквы. К примеру, латинские.

Далее следуют еще более сложные и восхитительные вещи в этом же ключе, но мы сейчас, в этой части «Трактата», коснемся лишь основ, простейших и первоначальных.

Разумеется, чистому манежному чтению, пониманию лошадию графического кода человеческих букв предшествуют определенные этапы, когда лошадь постигает науку манежной дисциплины и учится достойно вести себя «у доски».

Естественно, все это становится возможным, когда в реальности проявляется академический настрой у лошади, когда искусство воспитателя пробуждает в лошади то желание учиться и концентрироваться, которое глушит любые иные желания и становится доминантной чертой поведения.

Когда эти дисциплинарные этапы пройдены, лошадь академизирована и научена дифференцировать и четко запоминать человеческие звуки, придавать значение не интонации, а лексике — она с огромной легкостью может начать соотносить звуковые обозначения букв с некими графическими изображениями, т. е., попросту говоря, научиться читать.

Существующий стереотип, что лошадь придает значение не словам, а интонациям, является очень смешным. Причем самое смешное в этой стереотипированной глупости — не слишком очевидно.

Исследуем это.

Человеком, в силу культурологических стереотипов, помноженных на видовую разницу, лошадь воспринимается как нечто (в общем) безмозглое, как мешок с рефлексом, следовательно, как нечто, не способное понять принципы и нюансы лексики, оценить ее информативность.

Но и у лошади (если воспользоваться классической научной логикой как инструментом) — в таком случае тоже должен быть (и есть, разумеется) продиктованный видовой разницей стереотип, который заставляет ее воспринимать человека как существо неразумное или аномальное, не способное к грамотному и внятному выражению чувств, мыслей и желаний, к нормальному обмену информацией.

Звуки, издаваемые человеком, — воспринимаются ею так, как мы воспринимаем рев бегемота, как ночной хохот гиены, вылавливая в этих звуках некую большую или меньшую агрессию (или ее отсутствие), но не предполагая в этом реве информативности и тонких смысловых нюансов.

Как-то всели упускается тот момент, что в стандартных видах общения человека с лошадью — все начинается с взаимной уверенности в полной безмозглости друг друга. Человек уверен в крайне низком уровне организации сознания лошади, но и лошадь уверена в том же самом применительно к человеку.

Пользуясь тем же инструментом классической логики, легко можно моделировать, что лошадь, обреченная на «контакт» с человеком, просто ощущает себя во власти абсолютно неразумного существа.

Пользуясь тем же инструментом, легко сделать вывод, что лошадь, обреченная на «общение» того или иного типа, — ощущает примерно то же самое, что ощущает психически нормальный человек, запертый с группой буйных сумасшедших, которые стали бы требовать от него исполнения их диких, невероятных, неразумных капризов⁵.

Причем требования исполнения этих капризов производятся при помощи невнятного, непостижимого рева, непонятного бурчания или болезненного физического воздействия.

Все эти обстоятельства только укрепляют лошадь в уверенности, что существо, во власти которого она находится, мало того что очень опасно, так еще и совершенно неразумно.

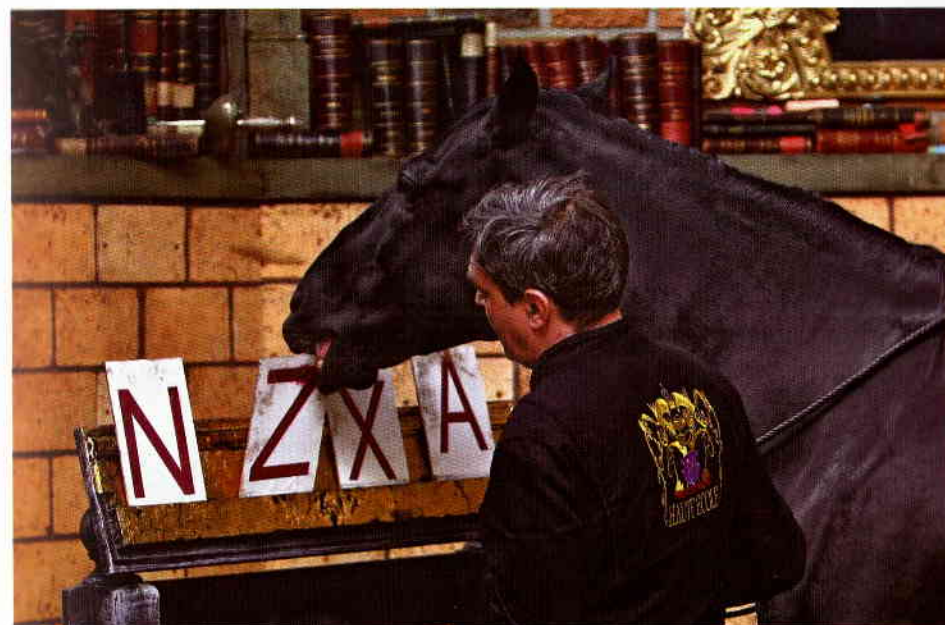
Старый Школьный Секрет, прописанный еще в «Прецепции», заключается в том, что у лошади нет равным счетом НИКАКИХ оснований считать человека — разумным существом.

Основная задача LECTIO EQUARIA PALAESTRA заключается в том, чтобы лошадь поверила в разумность человека, в систематичность и логичность, в осмысленность его звуков и действий. В четкую связь звуков и действий. Короче, чтобы лошадь признала бы человека разумным (вменяемым) существом, к звукам которого, в принципе, можно прислушаться как к ясному содержанию некой информации.

Лишь дилетанту покажется, что знающая латинский алфавит, счет или складывающая из карточек с буквами слова, лошадь демонстрирует свои удивительные мыслительные способности.

Отнюдь.

⁵ Болезненность исполнения этих капризов пока оставим за скобками.

Илл. 17. Lectio Equaria Palaestra

Занимаясь с лошадью LECTIO EQUARIA PALAESTRA, — человек доказывает лошади свой интеллект, постепенно добиваясь того, чтобы издаваемые им звуки перестали бы ей казаться тем, чем ему самому кажется рев коровы или стрекотание кузнечика.

На уроках LECTIO EQUARIA PALAESTRA лошадь впервые узнает, что в том, что делает человек, есть система, логика, связь, информация. Есть забавный, но разум.

Огромная ошибка, типовая для всех устаревших систем воспитания лошади — это наличие глупейшей априорной уверенности в том, что лошадь знает о том, что человек разумен.

Нет, не знает. Это ей предстоит доказать. Не предъявив этих доказательств, рассчитывать, в общем-то, не на что.

Академизированная лошадь достаточно быстро учится читать. Учится определять те самые графические символы, которые называются буквами, и соотносить звук, который она слышит, с графическим символом, изображенным на карточке.

Илл. 18. Последняя буква латинского алфавита →

Затем следует четкое знание всего алфавита. Затем — игры с разгадыванием буквы. И так далее.

Существует несколько методик обучения чтению и несколько же способов демонстрации лошадыю понимания букв, слов или цифр.

Первый вариант заключается в зримой, спокойной и очень вальяжной демонстрации лошадыю своих возможностей при помощи карточек с буквами. Он считается сложнее.

Второй вариант — это подача знаков с помощью ударов копытом о специальный помостик.

При обучении чтению я принял первый вариант, то есть зримую и отчетливую демонстрацию понимания, которая заключается в вынимании из дола попнитра и подаче мне в руки нужной карточки, а не «стучание» ногой.

Первая причина — это боязнь за копыта Школьных лошадей, так как 250-300 ударов за занятие, иногда очень энергичных, даже по деревянному наклонному помосту — могут спровоцировать навикулярную болезнь или заломы. При этом, если угол наклона копыта при ударе достаточно высок, то каждый удар будет растягивать белую линию. Естественно, растягивание ничтожно и незаметно ни глазу, ни лизне, но занимаясь каждый день, мы получаем в неделю около 2500 ударов.

При не самой потрясающей белой линии это будет уже всерьез ощутимо. Копытная стенка, конечно, не отвалится, но может начать потихоньку отходить, если занятия продолжаются несколько месяцев, т.к. счет ударов пойдет уже на десятки тысяч.

Второе обстоятельство — это неизбежность съемочного процесса, ориентируясь на который чтение должно быть представлено наиболее зримо, отчетливо и однозначно.

Удары копытом, одни из которых резче, другие — тише и глуше, могут быть достаточно спорной формой выражения знаний или понимания.

К тому же они совсем не так эффектны, как четкие операции с буквами на карточках.

Кажется, что наиболее сложным является техническая демонстрация лошадыю понимания алфавита, то есть умение найти названную букву в ряду прочих букв, стоящих на попнитре, вынуть из дола, закрепляющего ее в вертикальном и чуть наклонном положении и подать в руки воспитателю.

Но это не так. Технические сложности — это самая малая проблема LECTIO EQUARIA PALAESTRA⁶.

⁶ Существует проверенная методика преодоления этих проблем, заключающаяся в точном реестрировании необходимого инструментария и последовательности обучения.

Самое сложное в этом упражнении — это концентрация лошадиного внимания. Причем концентрация в течение достаточно долгого времени, практически на одном месте.

Без подготовительных упражнений, академизирующих лошадь, — это невозможно.

На самых первых этапах — утрата внимания даже на секунду будет иметь весьма тяжкие последствия. Некая хаотичная и очень нечистая имитация манежного чтения будет иметь место, но множество ошибок сперва просто будут «пачкать» картину, а накапливаясь, превратят упражнение в пародию.

Провоцировать огромное количество ошибок будут и т. н. деакадемизирующие факторы, если они каким-либо образом проникнут в манежную практику.

Что же является разрушающими внимание (веру в разум человека), деакадемизирующими факторами?

Деакадемизирующие факторы

Их достаточно много, они все вредоносны, все заставляют лошадь усомниться в вашем разуме.

Почти все они перечислены во вступлении, в части «Интердикты», здесь я лишь эти Интердикты лишний раз поясню, применительно к LECTIO EQUARIA PALAESTRA.

Применив метод классической логики, можно предположить, что даже после нескольких занятий уверенность лошади в разуме человека и так очень зыбкая, а неграмотный или неаккуратный поступок воспитателя может только укрепить лошадь во мнении, что человек — существо все-таки полностью неразумное и все исходящее от него надо отвергать или игнорировать.

НАЗАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА

Я, разумеется, не говорю про употребление «железа». Любое «железо» — это удел дураков или спившихся невежд, безграмотной конюшенной черни. Черни его и оставим.

Эту дикость странно было бы обсуждать в данном Трактате или вообще обсуждать.

Но помимо откровенного «железа», как вы помните, существуют еще и назальные средства (хакаморы, сайдпуллы, медиаканы, недоуздки-вестерн и т. д.).

Напоминаю, что так любимые различными «полукровками»⁷ назальные средства лишь помогают «полукровкам» создавать себе в специфической среде «тупиц в рединготах» — имидж «просвещенных и добреньких».

Также напоминаю, что любые назальные средства с особой жестокостью, предельно травматично воздействуют на носовые кости черепа лошади и ветвление подглазничного нерва⁸ — и находятся под прямым Интердиктом. Соответственно, тоже не обсуждаются. Применение их основано только на невежестве и лицемерии.

Безусловно, к числу серьезных деакадемизирующих факторов относятся любые подобию «игр», верховая езда, ошибки содержания и т. н. корючки.

CURVUS

«Корючка» — это любое неосмысленное, рефлекторное, случайное движение или действие лошади, подловленное и закрепленное той или иной формой поощрения.

И, разумеется, провоцируемое к повторению. Глупо думать, что «корючки» являются сегодняшним изобретением, они известны еще со времен Де Сонье, правда, тогда они назывались CURVUS (кривульки). Тогда этим термином обозначались любые внеакадемические движения лошади, тоже основанные на «подловках» и очень коряво имитирующие те или иные манежные движения.

«Корючки», или «кривульки», характерны уродливой пластикой лошади, размытостью гимнастического очертания элемента, который они пытаются копировать, нестабильностью исполнения или навязчивыми предложениями этой «корючки».

В той же степени они характерны суетливой и позорной пластикой человека, вымогающего у лошади те или иные движения и действия или дождающегося, когда под воздействием различных возбуждающих (или иных) факторов — «лошадь предложит их сама».

К примеру, если это «корючечное» подобие испанского шага, то его легко опознать по необходимости применения раздражающего лошадь инструментария типа прутника или краваша, да и по принципиально иной анатомической картине элемента. Столь же характерно и «корючечное куше», сделанное через «подловку» естественного валиния лошади.

⁷ См. цикл статей в журнале «NHE», где данный терминологизм подробно расшифровывается.

⁸ Назальные средства действуют порой еще более болезненно и травматично, чем даже «железо», их воздействие основано на возможности переломов части костей черепа и сверхболезненным воздействием.

Это всегда «грязь» и профанация, не имеющая никакого отношения к настоящему манежному мастерству. Пригодны «корючки» только для обмана глупцов, еще более глупых, чем те глупцы, которые их демонстрируют.

Более того, «корючки», в основе которых — случай, бессмыслица, «поддавливание», рефлексия, отсутствие всякой манежной мысли, — есть хороший способ уничтожить даже всякую надежду на академический и вдохновенный настрой лошади.

MONTEE A CHEVAL

Столь же серьезным деакадемизирующим фактором является и любая верховая езда.

Тут тоже пора расставить точки над «i» и сразу напомнить, что лошадь ни в малейшей степени не предназначена природой для любой верховой езды. Ни физиологически, ни анатомически, ни психологически.

Именно «любая верховая езда» является обстоятельством самым болезненным, самым травматическим и одновременно самым унижительным для лошади.

Все, что является любой разновидностью ВЕ, т.е. попыток получения сомнительного удовольствия от нахождения на позвоночнике лошади, — категорически Интердиктируется.

ИГРЫ

Игры — это еще один деакадемизирующий фактор. Вернее, он является таковым в случае, когда «игра» имеет неосмысленное, опять-таки «корючечное» происхождение, когда игровое действие не является тщательно выверенной и поставленной хореографией.

Полагаю, что для определения настоящей Школьной игры — вполне будет достаточно простого определения — «Настоящая «Игра». «Игра как Школьный элемент» — это то, что по первому знаку воспитателя может быть прекращено менее, чем за одну секунду».

Любые подделки под «игру» только истеризируют лошадь, полностью перечеркивая все успехи манежного воспитания.

Впрочем, как я уже говорил, деакадемизирующих факторов очень много и все они так или иначе уже «закрыты» Интердиктами.

Повторяться нет смысла. Лучше рассмотреть то, что, безусловно, может помочь в овладении как LECTIO EQUARIA PALAESTRA, так и вообще всей манежной наукой работы «в руках».

Индивидуализм

Обязательным условием Школьного воспитания «в руках», как в целом, так и в части, касающейся манежного чтения, — является резко и ярко выраженный индивидуализм лошади, сбережение и приумножение ВСЕХ особенностей ее характера.

Ценность представляет все. И ее вспыльчивость, и ее конфликтность, и ее любознательность, и ее огромное чувство собственного достоинства. Словом — все то, что любой «социум жесткого типа», каким является т.н. табун, или «группа», обязательно изуродует, затрет или исказит до неузнаваемости.

Далеко не все лошади становятся в табуне безусловными и яркими лидерами. Существует масса факторов, благодаря которым дикарская, первобытная табунная среда легко и безжалостно «опускает» лошадь. Причина может быть самой пустяковой.

Даже легкое временное недомогание яркой лошади — всегда будет использовано табуном для ее унижения и, соответственно, для искажения ее психологии.

В данном разделе я не говорю ни о чудовищной травматике табунного содержания, ни о том, что именно пастьба очень часто является фактором, запускающим ламинит⁹.

В этой главе я говорю лишь о том, как «табун» увечит психологию лошади, лишив ее тех драгоценных особенностей, которые необходимы для овладения манежным искусством.

«Лошадиная зона» кого-то опускает, кого-то поднимает, особо не вдумываясь ни в интеллект, ни в анатомические совершенства тех, кого подчиняет своим законам и понятиям.

Да и, как известно, коммуна никогда не была благоприятной средой для развития любого таланта, поскольку, помимо всего прочего, заставляет лошадь вести жизнь скота, главные помышления которого — о поиске еды, поглощении и на-

⁹ Даже против простой пастьбы Школьной лошади существует несколько любопытных и жестких доводов. Известно, что (примерно) 12–15% лошадей за удовольствие пастись платят ламинитом, так как нет ничего более «биологически яростного», чем живая трава в неограниченных, по сути, количествах. Причем угадать, когда в траве, в соответствии с колебаниями климата, похолоданиями и потеплениями увеличилось количество свободных сахаров, что в ней на данную минуту происходит с крахмалом, — на практике практически нереально. А все эти факторы, особенно «сахар», провоцируют ламинит быстро и неумолимо. Пастьба превращается в «ламинитную лотерею». Ничего страшного. Существует жестко запрограммированный эволюцией процент обреченных лошадей. Этот процент, получив, благодаря колебаниям биоактивности травы, свой ламинит, должен обездвижиться и стать легкой добычей, выполнив запрограммированную для него эволюционную роль еды для других видов живых существ.

сыщении. Для любого живого существа такой образ жизни гарантирует развитие строго определенного «покроя» психологии.

Этот «покрой», этот стиль лошадиного мышления имеет право на существование, но он совершенно не пригоден для Школьной лошади, которая должна знать, что еда вообще не является причиной помыслов или беспокойства, что она всегда будет обеспечена и подана.

Проблема лошадиной скуки — проблема в высшей степени надуманная.

Будем откровенны — это проблема неверного содержания и неправильного кормления.

При нормальном Школьном содержании лошадь должна получить сено 6–7 раз в день, «еду», т.е. различные вариации овсяно-свекольно-жмыховых (или иных) рационов — 3 раза в день. Итого — 9–10 кормлений.

Не изголодавшаяся, степенно едящая сено лошадь — делает проед очередной дачи сена за 30–40 минут и еще минут двадцать после этого «кемарит», пребывая в дремотном состоянии.

Т.е. при нормальном Школьном содержании, когда лошадь уверена в своем праве на еду и покой, — каждая дача сена, проедение и дремота — занимают около часа. Это уже 9–10 часов.

Различные ежедневные мероприятия в виде уборок, медосмотров, перемен попон, копытных вопросов, чисток, как правило, занимают не менее часа в день и всегда в той или иной степени развлекают лошадь. Это уже 10–11 плотно занятых часов.

Занятие, в общей сложности, с расшагиваниями в руках, копытничаниями, последующим выходом в парк, с повторениями реприз того или иного простого, но хорошо гимнастирующего упражнения вроде шаппа или пиаффе, в манеже, леваде, парке или шелтере забирает не менее полутора-трех часов.

Не менее двух часов в день должно быть посвящено крепкому сну лежа. (О ночном сне я даже не говорю, он гораздо более продолжителен, мы здесь обсуждаем лишь проблемы занятости светового дня.)

Прогулки, поскольку лошадь должна иметь выход в собственную индивидуальную леваду, — занимают еще два-три часа, по ее усмотрению.

Даже если сократить время дремот и занятий, — то при правильном Школьном содержании у лошади очень плотно занято не менее 15 часов в день.

Ни на какую скуку времени, по сути, не остается.

Илл. 19. Шапп

Кстати, именно правильный, научно выверенный менеджмент полностью, до микрона, приведенный в соответствие с физиологическими потребностями лошади, — сделали полностью невозможным осуществление старой Школьной тактики «вымачивания в скуке», принятой рядом Мастеров в XVII–XVIII веках, когда лошадь заставляли откровенно маяться бездельем при трех, от силы, кормлениях в день и многонедельном отсутствии занятий.

Кроме всего прочего следует помнить, что Школьная лошадь — это «лошадь, сделанная руками», т. е. существо, аккумулировавшее огромное количество ежедневного труда и знаний воспитателя, т. е. представляющее особую ценность.

Иными словами, Школьная лошадь — это уникальное существо в силу своих знаний и умений. Воспитание, создание Школьной лошади — это создание абсолютно «штучного», исключительного существа, в отношении которого вполне уместна особая забота и особое неусыпное внимание. С XVII столетия такая была всегда философия Школы в отношении Школьной лошади.

Конечно, существа, совершенно «рукотворного» до мелочей, ибо Школьность может стать лишь результатом удивительного альянса человека и лошади. Альянса, когда человек верит в разум лошади, а лошадь допускает разумность человека.

Школьность лошади, конечно, в принципе, обособливает ее от прочих лошадей. Естественно, распорядок ее жизни должен, по возможности, исключать все те риски, которые связаны со столь модным сейчас псевдоестественным стилем содержания, когда не слишком нужная лошадь обрекается на ежедневное тупоброжение, развлекая себя лишь развитием жевательных мышц, постоянными травмами и игрой в «ламинитную лотерею».

Такой стиль содержания возможен лишь для лошади, которая легко может быть заменена любой другой лошастью, т. к. не имеет для ее опекунов ни особой ценности, ни значения.

Вообще, стереотипчик о взаимосвязи лошадиного «счастья» с размером пространства для этого тупоброжения должен непременно вывести на мысль, что самыми счастливыми являются лошади «мясных» пород Монголии, к примеру. Или кумысные казахские «джабе». У них, как известно, самые большие левады в мире.

Естественно, индивидуализм лошади, ее полную психологическую независимость от лошадиного социума — надо развивать и поддерживать.

Это достигается разными способами.

Иногда, к примеру, это приходится делать при помощи разумно организованного вялотекущего конфликта, который человек, как управляющий конюшенной жизнью, должен умело организовать.

Что ссорит лошадей, внушает им легкую неприязнь друг к другу, — ту неприязнь, которая, пережив очень краткий «резкий» период, разрастается в спокойную, прохладную независимость лошадей друг от друга?

Да то же самое, что и людей. Собственность.

Просто сеять эту рознь, учитывая удивительный и очень своеобразный интеллект лошади, надо очень аккуратно.

Собственная, привычная, личная, индивидуализованная левада, имеющая строго определенные границы, вырабатывает за короткий срок очень разумную жесткую территориальную агрессию, которая, впрочем, быстро перерастает в очень скептическое и холодноватое отношение к лошади с «той» стороны ограды.

Минимальная оборона, беспокойство за целостность и неприкосновенность своей территории — становятся для лошади очень важным делом.

Конечно, эта ревность часто почти начисто лишает лошадь всякой симпатии к любым другим лошадям, но воспитывает индивидуализм, колоссальное чувство достоинства, строгость и гордость.

И снова Lectio Equaria Palaestra

Но возвращаемся к манежной практике, непосредственно к LECTIO EQUARIA PALAESTRA, которой посвящена эта часть «Трактата».

Помимо всего прочего эта дисциплина с поразительной наглядностью и твердостью — учит учить, демонстрируя, как много, как легко и как великолепно может постигать лошадь без всяких силовых или даже простых тактильных воздействий на нее.

И, безусловно, правы были те старые Мастера Школы, которые утверждали, что данная дисциплина больше нужна воспитателю, чем воспитаннику, ибо вызывает огромное уважение к лошади, отчетливое представление о ее огромных умственных способностях и, как следствие, возможность объяснения ей любых других манежных дисциплин лишь с помощью «изошренного терпения и решительного благоразумия».

Манежное чтение никогда не считалось особо трудной дисциплиной Школы, хотя без знания методик практиковать его в чистом, подлинном виде, конечно, сложновато.

Я ведь сейчас, рассказывая все это, нахожусь в очень сложном положении: я должен сказать достаточно, чтобы всерьез изучающие манежное мастерство укрепились бы в понимании, сколь важной его частью является LECTIO EQUARIA

PALAESTRA, а профаны бы заскучали, ни черта бы не поняли в моих нагромождениях терминов, латыни, исторических экскурсов и лучше всего решили бы, что все это — обычное шарлатанство и давно бы закрыли данный «Тракта́т».

Необходимость «темнить», конечно, отчасти связывает руки. Но присущее мне умение виртуозно «темнить» их отчасти и развязывает, ибо я совершенно уверен, что те, кому полагается понять — все поймут. А те, кому не полагается — пусть умирают дураками. Напомню, что в истории Школы не раз и не два наблюдались прецеденты, когда LECTIO EQUARIA PALAESTRA становилась достоянием гласности, предьявлялась публике в том или ином качестве.

Умственные способности лошади, конечно, совершенно невероятны. Стоит отметить, что в том альянсе, что необходим для успешной практики LECTIO EQUARIA PALAESTRA, именно лошадь демонстрирует способность постижения языка другого вида млекопитающих, а человек так до сих пор даже и не догадывается, в чем заключается и как в действительности выглядит и звучит лошадиный язык. (Что бы ни писали и ни говорили об этом жулики типа Пурелли или Шифера.)

Но я должен предупредить, что не надо чрезмерно увлекаться этой дисциплиной и допускать, чтобы манежное чтение шло бы в ущерб всем обязательным прочим манежным упражнениям.

Разумеется, конюшенной чернью манежное чтение обязательно должно быть объявлено шарлатанством, фокусом, подтасовкой. И это прекрасно.

Но, тем не менее, в ответ на все подобные реплики и недоверия — есть прекрасный, старинный, академичный, очень почтенный латинский аргумент.

Очень ученый латинский аргумент, который всегда либо вслух, либо в своей душе можно адресовать оппонентам.

Аргумент, которого они никогда не поймут, и который звучит буквально «Con- vexanto sa penem proprium».

Disciplina. Insolentia. «Miliu».

глава третья

Дисциплина, или если быть совсем точным — манежная дисциплина, — является основой всего, фундаментом, основанием, той твердью, на которой только и возможно выстраивать обучение лошади, свободной от средств болевого контроля.

Правда, произнося слово «дисциплина», человек мгновенно попадает в канкан своих, человеческих представлений об этом понятии.

Канкан с оглушительным лязгом срабатывает, смыкаются стальные челюсти, зачастую отсекая человека от правды и логики лошади.

Надо понимать, что дурную шутку играет с человеком своеобразие людской психологии.

Она, как известно, не просто перегружена различными социальными ритуалами, предрассудками, условностями, постулатами, надуманными догмами, но и на данный момент почти целиком и состоит лишь из этих искусственных компонентов.

Более того, эти компоненты не просто бесцеремонно заселили ее, но и почти вытеснили подлинные ее составляющие, общие для всех животных.

Те самые, которые очень могли бы помочь человеку в решении всех вопросов «манежной дисциплины», да и вообще существенно облегчили бы взаимоотношения с лошастью.

Дисциплина в традиционном человеческом представлении и дисциплина манежная — это две совершенно разные вещи. Никак друг с другом не соотносящиеся, очень далекие друг от друга и, более того, — конфликтующие друг с другом. Применять к манежной дисциплине мерки дисциплины человеческой, чем, собственно, все и занимаются, бессмысленно. В этом «применении» как раз и есть залог краха всякой дисциплины и всех неудач обучения.

Тем не менее термин *«disciplina»* по признаку внешней «ближайшей сродственности» был все же избран когда-то Школой для обозначения того порядка поведения лошади и воспитателя, который есть первая норма манежа, обеспечивающая академичность и успех воспитания лошади. И термин, соответственно, приобрел академический статус.

Он полон щелканьем метронома, грассирующим бормотанием и выкриками длинноволосых Мастеров и стуком прутика по черным ботфортам. Именно этот термин употребляли Плювинель и Гаспар де Сонье, Дюпати де Кламм и загадочный Арнольфини.

Посему отказываться от этого термина, разумеется, не следует, хотя, честно говоря, поначалу он только запутывает.

Чтобы распутаться, следует для начала хорошенько разобраться в этом термине, понять его природу. А заодно понять и суть конфликта двух дисциплин — «манежной» и «человеческой»¹.

Итак, что есть дисциплина при попытке понять ее, применяя к ней даже чисто человеческие мерки?

Это есть стилистика, при которой все особенности поведения лошади склеены в некую систему, которая кажется безопасной, комфортной и наиболее академической.

Первой приметой дисциплины является стерильность поведения лошади от агрессии, непокорства, своеволия, непрошенных энергетических выплесков или безразличного упрямства.

Поскольку настоящая манежная дисциплина в большинстве случаев является только мечтой, то разработаны ее различные суррогаты, которые получили название «послушание».

Существует два основных типа этого «послушания», при которых все или почти все нюансы поведения лошади человек пытается склеить в комфортную для себя систему².

- 1. Послушание, склеенное страхом (болью), т. н. спортивный метод.**
- 2. Послушание, склеенное сахаром (ласками), т. н. гуманистический, модный метод.**

¹ В этом всем нет ничего запретного, нет никакого секрета Школы, который не подлежит разглашению, так как количество людей, способных воспринять эту тонкость — ничтожно, да и намек на существование этого странного конфликта сам по себе ничего не стоит, как будет понятно далее.

² На самом деле их гораздо больше, но я не буду останавливаться на совсем редких, курьезных или маниакальных типах вроде «послушания», которое устанавливается с помощью приема «облачный леопард» или «послушания» от легких транквилизаторов, от применения медиаканы и пр.

Наиболее распространенным является первый тип, т. н. спортивный.

Здесь все очень просто.

Такая модель «послушания» нуждается в постоянном, регулярном подкреплении сильной болью. Болью регулируется все: от ритма движения до выполнения элементов.

Боль, разумеется, быстро делает из лошади психопата. Психопатия своими вспышками ломает даже то жалкое подобие «послушания», что удобна для «катающегося».

Для подавления психопатической вспышки — применяется еще более сильная боль.

Что-то похожее на поверхностное повиновение устанавливается лишь тогда, когда сумма внутренних травматических повреждений дает боль более сильную, чем боль внешних воздействий, и психоз гасится физиологической невозможностью его выражения, или затаивается.

Но и в этом случае гарантированы постоянные бунты, потому что любое минимальное, даже кратковременное облегчение состояния — это сигнал для лошади к возможности начала очередного восстания против человека.

Затаившийся психоз прорывается, а в ответ лошадь получает новую, усиленную дозу боли.

Для восстановления «послушания» следует усиление действия оральных, назальных и прочих спецсредств, т. е. эскалация болевого воздействия.

Необходимость «вправить мозги, воспитать, покорить, наладить дисциплину» влечет, как правило, и удлинение времени пребывания верхом, то есть неизбежность усугубления тяжелых травм рта, лицевых мышц, шейного и грудного отделов позвоночника, всего миологического аппарата спины, люмбо-сакрального отдела и опорно-двигательного аппарата.

По сути, если снять всякую словесную шелуху, то вариант № 1 — это просто практика «травматического умирения», когда покорность лошади достигается лишь причинением ей тяжких внутренних увечий, делающих настоящий эмоциональный бунт физически затрудненным.

Естественно, что подобная практика ведет лошадь через пытки в могилу и применяется только при условии неполной интеллектуальной полноценности, характерной для лиц, занимающихся КС, скачками, бегами, поло, катаниями, цирковой дрессурой и пр.

О послушании, «склеенном сахаром (ласками)», как о дисциплине, тоже говорить всерьез невозможно.

Эту схему практикуют гуманизированные дилетанты, временно отказавшиеся от «железа».

Ее, скорее, можно было бы характеризовать как «растление» лошади.

Схема «относительно работает» лишь до той секунды, пока человеку от лошади не потребуются какие-либо существенные усилия любого типа. Это касается не только манежных элементов, но и простой академической концентрации сознания и внимания. Вот в эту минуту, в этот «момент истины», основанное на чесотке, сюсюканьях, тисканьях, закармливаниях т.п. послушание и обрушивается.

Это обрушение не всегда драматично по форме, не всегда эмоционально. Иногда это просто твердый, унылый или мрачный отказ лошади от любого соучастия в непонятных забавах человека.

Обрушение может быть, впрочем, и не мгновенным, а растянутым на дни или месяцы.

Если лошадь «подкорючена», т.е. поддрессирована через рефлекторные раздражения и подкармливание, то она постепенно начинает выискивать все менее и менее обременительную для себя форму исполнения «корючек», пока не приходит к совсем уже уродливой их форме, в которой грубо перемешаны лень и хаотичность.

Дилетант не замечает этого, очень легкого поначалу регресса и когда спохватывается, то пытается исправить ситуацию, интенсифицируя воздействия, но просто провоцирует бунт.

Впрочем, обычно это непереносимое, грядущее обрушение «послушания» очень заметно и на ранних, еще инкубационных этапах.

Чесоточно-морковные приемы приводят либо к культивации наиболее экстремистских качеств лошади в быту, либо к ее «засыпанию».

Засыпание, состояние ленивой прострации и безразличия лошади ко всему — делает любые занятия невозможными. Как, впрочем, и яростная демонстрация эмоций.

Лошадиный бунт, как известно, имеет множество ликов.

Рано или поздно отчаявшийся гуманист-растлитель надевает «узелковый недоуздок», потом переходит к более сильным воздействиям, пока окончательно не возвращается к практике первого типа. Иногда это делается в режиме добросовестного самообмана, когда «гуманист» уговаривает себя и окружающих, что применяемые к лошади травматические меры являются временными, направлены лишь на восстановление «послушания», а потом будут убраны из обихода. «Починить послушание» таким образом невозможно.

Правда, применив спортивные методы, можно получить тяжелые внутренние анатомические или физиологические повреждения, наличие которых несколько ограничит лошадь в возможности демонстрации эмоций.

Создастся иллюзия «успокоения», улучшения поведения.

Но при новой смене «спортивной» методы на «сахарную», с уходом травматических нагрузок произойдет частичное восстановление пораженных органов и мышц, бунт повторится, и все благополучно вернется на свои места. Такая лошадь, разумеется, будет объявлена «сложной, дурноезжей, щекотливой, безмозглой, испорченной и т.д.».

Адепты метода № 2 («растлители») вдобавок еще и втихаря обижаются на лошадь, не оценивную «снятия железа», правильной расчистки копыт, сбалансированного рациона, отсутствия мук и прочих человеческих подарков лошади. Обидевшись, они, как правило, втайне (пока) укрепляются в мысли о неблагодарности и тупости лошади, чем только прочнее заталкивают себя же самих в абсолютный тупик.

Впрочем, обе практики (что первая, что вторая) — стоят друг друга, обе одинаково бессильны и опасны как для лошади, так и для человека. Что любопытно — ни одна из них не может категорироваться как дисциплина даже в самом примитивном смысле этого слова.

Одна практика держится «на штыках», причем только на очень острых и уже наполовину вонзенных. Вторая — вообще не держится.

Дилетанты всех мастей (особенно «растлители») любят вслапнуть про проблемы лошадиной дисциплины. Но они даже не знают, о чем плачут.

Оплакиваются, как правило, только собственные глупые представления.

Оплакиваются химеры, рожденные от произошедшего в их голове — дикого совокупления наивных модных грез и старых стереотипов.

Но сколько бы слез ни было вылито, маниакально сохраняется представление о дисциплине как о некоем мистическом пруте, на который, как на шампур, должны быть нанизаны, в нужной последовательности все эмоции, привычки, пристрастия, движения, горести и радости лошади.

Но этот прут почему-то все время ломается. То ли его ломает лошадь своим дурным характером, то ли он переламывается по каким-то мистическим причинам. И тогда возникают «проблемы дисциплины».

Это ситуации, когда с переломанного прута все эмоции, движения и страсти лошади сыпаются в хаотическом беспорядке, погребая под собой и воспитательный процесс, и сами «отношения».

Для характеристики последней степени глупости и бессилия человека очень характерна фраза «лошадь есть лошадь», которую для объяснения загадочной ситуации прервавшегося послушания одинаково употребляют практики как первого, так и второго типов.

Впрочем, все эти умственные извращения существуют исключительно от незнания и непонимания самой сути манежной дисциплины.

От незнания того простого факта, что «проблем дисциплины» не бывает. Как, Впрочем, нет и самой дисциплины в ее привычном, стереотипном людском понимании.

Как я уже сказал, «проблем дисциплины» не существует.

Существуют ошибки воспитателя, более или менее грубые, и честная реакция на них лошади.

Эта честная реакция и считается нарушением дисциплины.

Подлинная манежная дисциплина лошади, обеспечивающая идеальный стиль поведения, послушание, заинтересованность и энергетику — это всего лишь умение воспитателя не совершить ошибку.

Следует помнить, что каждый ответ лошади на каждое действие воспитателя — это всегда полностью адекватный ответ, не замутненный искусственными понятиями о долге, приличиях и никогда не принимающий во внимание прошлые заслуги воспитателя или его будущие благодеяния.

Этот ответ может быть и неистовым, и безразличным.

Ярость, «уход» или «убегание», откровенно демонстрируемая скука, безразличное или агрессивное непослушание — все это просто-напросто ОТВЕТЫ.

Чем бездарнее воспитатель, чем дальше он от лошади, — тем больше он ищет абстрактных, внешних объяснений таким ситуациям, не понимая, что ему с предельной честностью и прямоотой ответила лошадь на его движение, действие, на форму просьбы, на интонацию, на положение рук или ног или неверную общую позу.

А прежде всего — на его незнание того, как следует делать, чтобы быть понятным и нужным.

Забавно наблюдать, как последствия грубых и смешных ошибок человека, вообразившего себя воспитателем, сваливаются на особую «кровь» лошади, на ее «тяжелое прошлое», на «упрямство», на «психические особенности лошади» или на внешние раздражители или «факторы атмосферного порядка».

Проблема здесь не в дисциплине, а в отсутствии элементарных навыков воспитания лошади.

Хорошая манежная дисциплина — это безупречная точность воспитателя и его знание Школьных манежных техник.

И только. Ничего сверхъестественного. Ничего запредельного.

Ошибки — возможны и у очень больших Мастеров, но Мастер всегда видит свою ошибку, честно сообщает себе о ней, понимает причину, вызвавшую сложный момент и умеет это исправить.

Любитель же, не знакомый с манежными техниками, не понимает, какую именно ошибку он совершил, да и сам факт совершения ошибки — ему, как правило, неведом.

Конечно, принятая в школе Дугардов (DUGARD, XVII-XVIII века) практика нанесения одиночных, но предельно сильных ударов прутком по шее, до вздутия рубца, была и эффективной, и чрезвычайно симпатичной.

Но и у нее, несмотря на всю ее привлекательность, были недостатки.

Недостатки заключались даже не в том, что прицельный и очень сильный удар, который должен был прийтись в аккурат между волосами и воротником, братья Дугарды отработывали на манекене не меньше года, прежде чем могли контролировать действия друг друга таким эффективным способом.

Недостатком методы Дугардов, скорее, является то, что очень резкое движение, свист и отчетливо слышимый удар, за которым обычно следовал крик боли и ругательство, все же иногда смущали и отвлекали лошадь.

Неполная, несовершенная точность вообще могла привести к печальным результатам, так всегда сохранялся риск случайно задеть лошадь.

К тому же, следует вспомнить, СКОЛЬКО было Дугардов.

Даже не открывая никаких справочников, я могу припомнить Филиппа, Мартина, Бонавентуру, Луи, Леона, Дугарда де Лонгре. Конечно, они не теснились в одном десятилетии, но все равно их всегда было ОЧЕНЬ много.

И это только головной, фамильный состав, вошедший в энциклопедии, зафиксированный на скрижалях Истории Школы.

А еще были бесчисленные дети, дети детей, младшие и менее знаменитые братья, талантливые подмастерья, приглашенные в манежи на Университетской улице и в Тюильри, где учили, учились и работали Дугарды, бродячие мастера, служившие под «знаменами семьи Дугард», продвинутые манежные мальчики, «живые пиляры» etc.

Естественно, при таком поголовье всегда была возможность привлечь надзирателя с прутком, который, стоя за спиной воспитателя, коротко и понятно, без траты слов и прерывания занятий — объяснит «работающему в руках», что совершена ошибка.

Но и надзиратель должен был обладать очень высокой квалификацией, чтобы разглядеть эту ошибку и метко отработать прутком.

Преимущества этого способа тоже очевидны, так как человек, получив обжигающий удар по шее, твердо и навсегда запоминал особенности совершения ошибки.

Впрочем, о тех временах и тех нравах, которые формировали настоящих манежных Мастеров, нам остается только вздыхать. Сублинный и корректный век, увы, отчасти приговорил настоящий академизм³.

Кстати, что удивительно, но почти никогда практика наказаний при манежной работе не применялась к самой лошади.

Мотивации неприкосновенности лошади были, кстати, гораздо более трезвыми и мудрыми, чем сейчас.

Да и звучали они здоровее, чем нынешние, фаршированные тухловатым гуманизмом сентенции⁴.

Было ясное осознание, четкое представление, что Школьная лошадь — это то, что «сделано руками».

Что ее поведение, ее элементы и фигуры есть произведение воспитателя, и за все происходящее, как хорошее, так и плохое, что может предъявить лошадь, отвечает только Мастер. Что спрос только с него. Что бить лошадь Мастеру так же глупо, как ювелиру бить бриллиант за то, что у него самого не хватает умения его эффектно огранить.

Что желание треснуть лошадь — это примета глупой распущенности, а главное — примета незнания манежных приемов, ни один из которых не предполагает ни единого удара⁵.

Именно оттуда и идет старая манежная поговорка — «Лошадь всегда права», рабочая бытовая поговорка Мастеров Школы, ныне абсолютизированная и возведенная в не всем понятный, но очень красивый лозунг.

Все, что происходит в манеже — это всегда диалог.

Иногда человек слышит и видит лошадь.

Более того, именно на лошади он маниакально концентрируется, начисто забыв, что в процессе участвуют двое, и что на себя самого, если он не уверен

³ Автора этих строк один из его учителей очень сильно бил по рукам хлыстом. Тогда я закипал, конечно, но сейчас вспоминаю эти удары с огромной благодарностью.

⁴ Нынешние гуманистические утверждения о невозможности наказания лошади четко не отвечают на главный вопрос: «Почему», а, следовательно, не вполне, не для всех и не всегда состоятельны.

⁵ В данном случае речь идет о «наказательных» ударах. Усиленное тупирование применялось, к примеру, для постановки на кабриоль и круппаду.

в идеальности своих навыков, ему надо обращать внимание не меньшее, чем на лошадь. А порой — и большее.

Но практически никогда человек не видит и не слышит себя самого.

Более того, человек абсолютно себя не контролирует, хотя претендует на роль полноправного участника диалога.

Он не может ни увидеть, ни оценить свои действия, чаще всего совершаемые наугад, азартно, бессвязно, непонятно, не имеющие ни малейшего отношения к подлинным манежным техникам.

И он получает «ответ».

Этот ответ всегда емок и сочен.

Следует помнить, что в 99% случаев манежная работа — это диалог лошади с существом, которое она считает неразумным, так как умение человека доказать лошади наличие у себя разума — особое, отдельное искусство.

Предельная ясность видения этого диалога, тонкость его осознания — это и есть основа манежного мастерства и манежной дисциплины.

От воспитателя требуется в первую очередь четкое и трезвое знание собственных умений и возможностей. Умение не азартиться и не зайти «дальше собственных умений», туда, где он точно будет не понят. Особенно при незнании (или неполном знании) манежных техник.

«Milium»

Вот простой, понятный пример:

Бытует нелепое мнение, что при работе «в руках» дисциплина делается мерной и долгой шлифовкой поведенческих нюансов, «точкой» простых элементов.

Это очередная глупость. Попытка практиковать этот способ быстро приведет к жесткому бунту лошади.

Акцентированная «мерность» — это очень сильнодействующее средство, очень возбуждающее лошадь. Это один из приемов манежной техники, имеющий свое имя и свою историю.

Имя, правда, у него достаточно странное на первый взгляд — «milium», что буквально означает «просо». Но странное только на первый взгляд.

В старину просо для варки просеивали через особые сита, с ячейками сложной конфигурации, и для успеха дела требовалась особая, нечеловеческая мерность

и неспешность, присущая лишь очень хладнокровным кухаркам. При неверном движении или убыстрении темпа — ячеи мгновенно засорялись. Так вот именно «miliū» применяется, когда готовится сверхэнергетический элемент.

Примененный умело «miliū» невиданно сконцентрирует лошадь, придаст ей легчайшую степень досады и раздражения, которые трансформируются в очень энергизированную четкость исполнения.

Примененный неумело, без точного знания дозировки, без знания допустимого количества темпов и интервалов меж ними, — он даст строго обратный эффект и гарантированно взорвет дисциплину, превратившись в провокацию бунта или приступа безразличия.

Причем здесь нельзя идти «наугад», «методом тыка», пытаясь выяснить нюансировки верного применения или счет темпов (шагов). Здесь можно все делать только строго по правилам, да еще и постоянно корректируясь на разницу «железных»-«безжелезных» практик XVII—XXI веков.

И это только один пример. Один прием. А их, поверьте, несколько десятков.

Вестиграмма Ньюкастла

Достаточно открыть подлинник «LA METHODE NOUVELLE» герцога Гильома Ньюкастла, виконта де Мансфилда, барона де Болсовера, синьора Кавендиша издания 1658 года на странице 96 (это «Вторая Книга», перед 27 главой) и внимательно рассмотреть вестиграмму.

Здесь есть один презабавный секрет, который можно выдать, ничем не рискуя. Вестиграмма не так уж сложна, легко читается, применительна как для верхового дела, так и для работы «в руках» (в чем в свое время легко разобрался и доказал Де Сонье). Но можно заметить, что она чуть смещена и в обозначении двух из четырех полупируэтов имеет три нечетных и один четный указатель следов, что придает вестиграмме некоторую забавную абсурдность.

Более того, вся вестиграмма имеет умышленную, строго продуманную асимметрию, загадка которой становится ясна только при возможности просмотреть лист со страницами 95–96 на свет, обнаружить в ней мануфактурную филигрань (водяной знак), которая, совместившись с вестиграммой, служит в данном случае пояснителем асимметрии и указателем некоторых нюансов (см. табл. А, стр. 86–87). Так вот, в числе тех нюансов, которые объясняет водяной знак филигранны, есть четкие указания, где и как можно и должно применить «miliū».

И этот «miliū» всегда располагается перед сверхсиловым элементом.

Знание такого рода подробностей очень многое разъясняет.

Илл. 20. Титульная гравюра труда Г. Ньюкастла «LA METHODE NOUVELLE» изд. 1658 г.

Туманные строки в трудах Школьных Мастеров перестают казаться загадкой. В частности, знаменитое высказывание «старого мушкетера из Серой Роты»⁶, академика, Школьного Мастера Дюпати де Клама: «Манежная лошадь не может быть никогда подвергнута никакой дрессировке, это забава профанов».

Итак, дисциплина — это очень просто.

Основными качествами воспитателя остаются — «Умение презирать удовольствия» и «Умение подчиняться и повелевать».

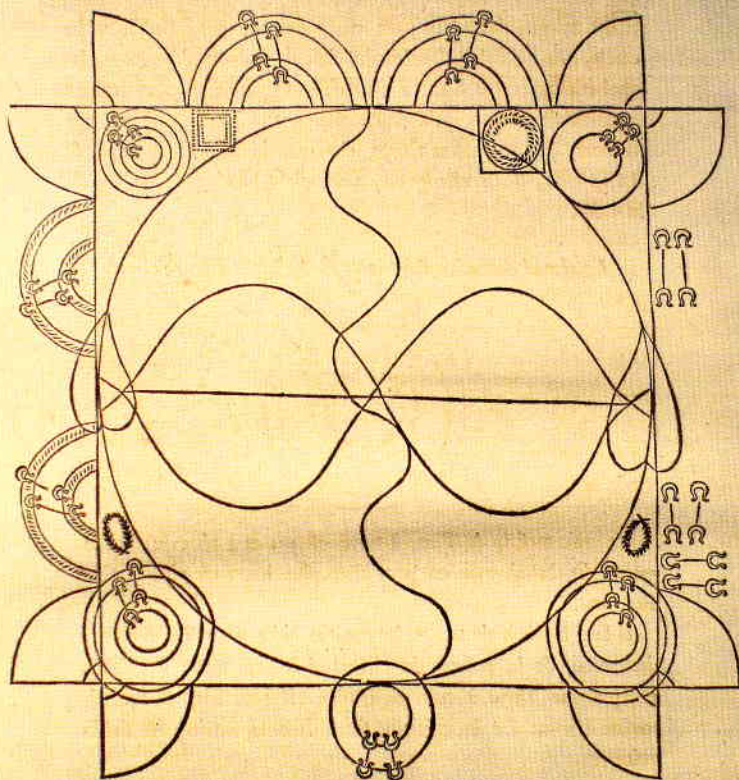
«Умение презирать удовольствия» — достаточно полно расшифровано в Школьных Интердиктах.

Что же касается умения «подчиняться и повелевать», то подчиняться надо, прежде всего, собственному точному знанию анатомии лошади и ее физиологии.

⁶ Именно так он представлялся сам, что засвидетельствовано титульным листом его труда «LA SCIENCE ET L'ART DE L'EQUITATION» издания 1776 года.

Вестиграммы Г. Ньюкастла

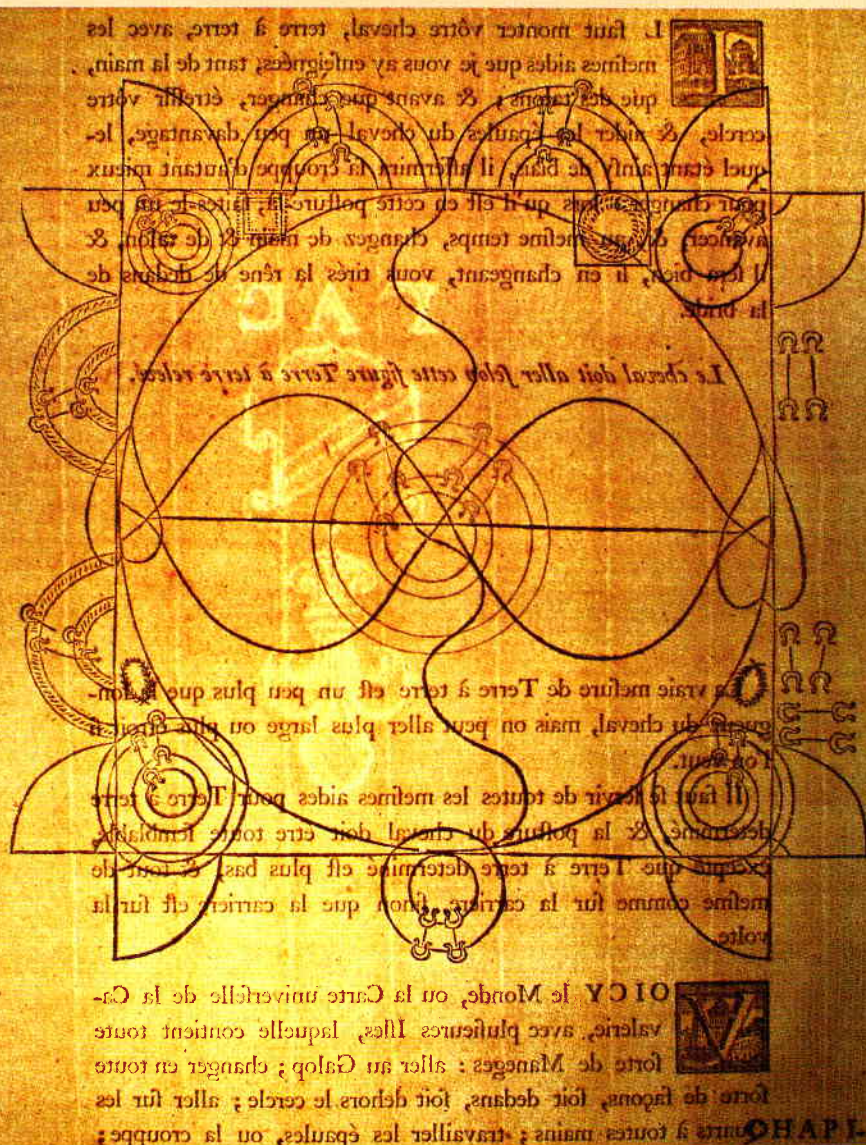
LIVRE le droit ; Serpenter ; & aller à Caprioles, la tête du cheval vers la Muraille, de Biais, en Ovale, en Quarts ; en somme, rien n'y manque.

CHAP. I.

Илл. 21а. Вестиграмма на стр. 96

Вестиграммы Г. Ньюкастла

Илл. 21б. Вестиграмма на стр. 96 на просвет

Выводы, которые можно мгновенно сделать благодаря таким знаниям, надо не просто «принимать во внимание», а выполнять безоговорочно, как самый жесткий боевой приказ.

Подчиняться этому фактору надо забывая про всякие приличия и собственное достоинство.

Помня, что перейдя грань, настояв на том, чему противится анатомия или физиология лошади, — вы просто «выбываете» из своего диалога с лошадей, ваши слова превращаются в обычный скучный шум, а ваши движения — в раздражающие лошадь ужимки⁷.

Опять-таки приведу пример того, насколько пренебрежение простейшими анатомическими догмами — легко провоцирует обрушение дисциплины. Приведу самый простой пример, хотя примеров такого типа — сотни.

Известно, что совершенно общепринятым является т. н. боковое сгибание. Его применяют широко и в обязательном порядке. Культовым и обязательным его сделал еще маньяк Филлис.

О том, какое оно производит действие на самом деле, задумываться не принято, несмотря на то, что еще Плювинель подметил, что именно такое сгибание вызывает «гнев лошади».

Почему, спрашивается, оно вызывает этот «гнев»?

Исходя из того, что «лошадь — это точная наука», на этот вопрос, как и на любой другой, необходимо иметь точный ответ.

Точный ответ находится под височно-сосцевидным швом черепа (I, см. стр. 90–91), рядышком с кондулус оципиталис⁸, затылочным мышелком.

Именно здесь находится разгадка подмеченного Плювинелем «гнева».

Яремный отросток затылочной кости. Процессус жигуларис. Ближайший его сосед — процессус паракондуларис.

Процессус жигуларис легко обнаружить (II). Он имеет неравнокривую, клювовидную форму, длину от 4 до 7 см, в зависимости от размеров самого черепа и некоторую «латеральную растопыренность» (см. табл. В).

Официальная должность яремного отростка — довольно скромная: крепление мышц.

⁷ Что касается второй части формулировки, то ее Школьная трактовка имеет строго учебный характер и вряд ли является здесь уместной.

⁸ Здесь и далее: кондулус оципиталис — *condylus occipitalis*, процессус жигуларис — *processus jugularis*, процессус паракондуларис — *processus paracondylaris*, менингия каудалис — *a. meningeal caudalis*, форамина гиппоглоссис — *foramen hypoglossi*, гиппоглоссиарный нерв — *n. hypoglossus*, корпус вертебре — *corpus vertebrae*.

Еще он немножко знаменит тем, что практически по нему стелется менингия каудалис (каудальная артерия мозговых оболочек), тем, что под ним находятся форамина гиппоглоссис (ход прямо в черепно-мозговую полость, которая служит каналом для прохождения гиппоглоссиарного нерва).

Да и вообще, если приглядеться — наш кривенький, незаметный герой сумасшедшим образом иннервирован.

Повсюду сигнализация, как в хорошем банке. Тут и гиппоглоссиарный, и блуждающий, и добавочный, и языкоглоточный нервы.

Для кривенького скромняги, официальная обязанность которого — уныло крепить на себе мышцы, согласитесь, такой иннервационный шик совершенно не по чину. Можно сделать вывод, что помимо общепринятой известной, у яремного отростка есть и еще одна, секретная миссия.

Разгадать его секрет очень легко, изучив кранио-вентральную поверхность атланта, первого позвонка шейного отдела (III).

Того самого красавчика Атланта, который имеет вызывающий и очень смелый дизайн, радикально внешне отличающий его от прочих позвонков.

У позвонка по имени Атлант... нет, собственно, самого корпуса вертебре. Самого тела позвонка.

Вся его великолепная крылатая конструкция заключена меж двумя туберкулами, красивыми рельефистыми буграми.

А соединен он, как мы знаем, непосредственно с затылочной костью черепа. С кондулус оципиталис, затылочными мышелками, которые есть, по сути, просто соединительная суставная поверхность. Главный и единственный контактер черепа со всем остальным скелетом.

Так вот, даже на сухом черепе — сразу видно, что при соединении суставных поверхностей атланта и черепа яремные отростки затылочной кости достаточно плотно входят в кранио-вентральные впадины на крыльях атланта, а при любом боковом сгибании в этом суставе упираются во внутреннюю поверхность крыла атланта, чуть дорсальнее поперечных отверстий (IV). Резко ограничивая этим упором возможность позвонка к боковому движению.

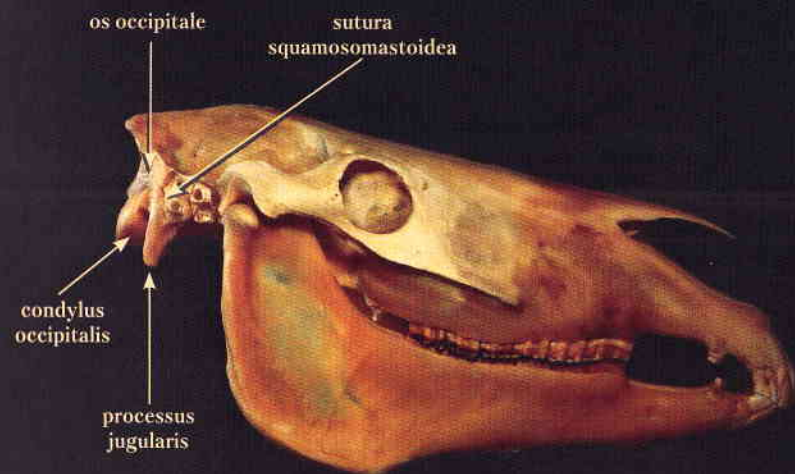
И это на сухом, повторяю, черепе. На сыром (живом), за счет облепленности тканями — яремный отросток гораздо массивнее и пухлее, и его роль «ограничителя» любого сгибания в этом суставе — еще заметнее. «Свободного хода» еще меньше.

Естественно, всякие попытки постановления, то есть насильственного бокового сгибания, вызывают очень резкие ощущения в этой богато иннервированной области.

Возникает тот самый «гнев лошади», о котором говорил Плювинель.

ЧЕРЕП. ЯРЕМНЫЙ ОТРОСТОК.

I

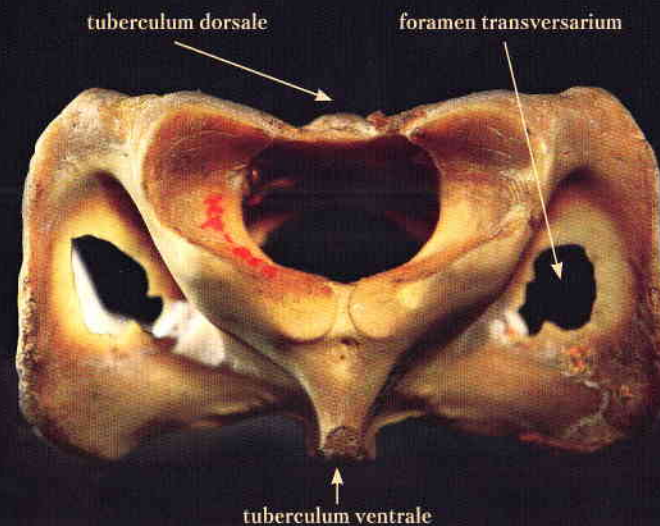

II

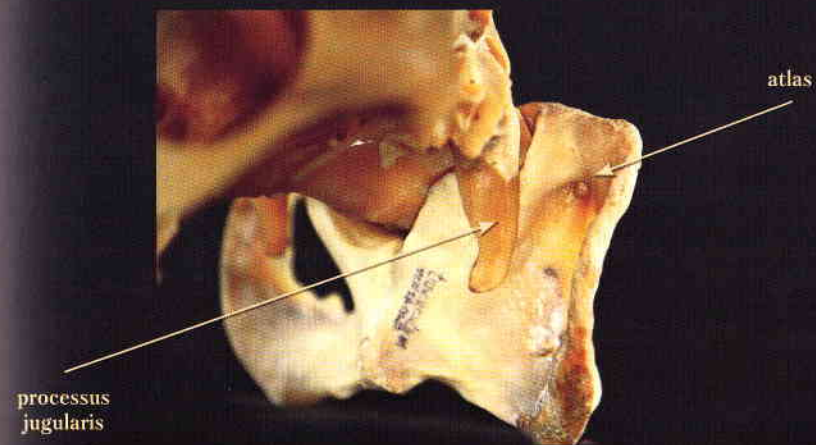

АТЛАНТ, КРАНИОВЕНТРАЛЬНАЯ ПОВЕРХНОСТЬ.

III

IV

Анатомия, как всегда, всеильна. И, как всегда, дает точный и однозначный ответ на любые загадки поведения лошади.

Анатомические справочники и даже наилучшие атласы и пособия не дадут ответа на этот или подобный этому вопрос.

Здесь воспитатель обязан, основываясь на абсолютном знании анатомии и лично проведенных препарациях, — делать все выводы сам.

Он сам обязан выработать у себя анатомическое мышление, которое формируется от союза атласа и скальпеля.

Отсутствие анатомического мышления — навсегда оставит человека в дилетантах, тем более уморительных, чем напыщенное будут его претензии на «знание лошади».

Впрочем, следует понимать следующее:

Само по себе знание лошадиной анатомии не дает никакого особого знания или понимания лошади.

Но тот, кто не знает лошадиную анатомию в совершенстве, может быть твердо уверен, что он не знает о лошади вообще ничего.

(Все как в той знаменитой латинской пословице: NON TAM PRAECLARUM EST SCIRE LATINE, QUAM TURPE NESCIRE.)

Insolentia

Школьная манежная дисциплина — любопытная штука.

При всем культе благонравия и размеренности — она требует постоянно сохранять и поддерживать в лошади то, что Школьные Мастера называли великим термином INSOLENTIA, то есть ДЕРЗОСТЬ.

«Дерзость лошади» следует воспринимать буквально, не подменяя ее терминами поглаже или посовременнее, типа «нервности, возбудимости, «забурения» и пр.

Это именно — ДЕРЗОСТЬ⁹.

INSOLENTIA — это постоянный легкий вызов, искусно поддерживаемый воспитателем в правильной, «тлеющей» кондиции.

Вызов, не переходящий границ приличия и дисциплины, но подчеркивающий достоинство лошади, полное отсутствие страха перед человеком, свой очень высокий статус, который дает право на очень многое.

⁹ Но не следует и путать дерзость с «хабальскими», подворотничковыми манерами, которые приобретает лошадь в табуне.

INSOLENTIA может иметь и нежелательные проявления, выражающиеся, к примеру, в не злобном, но жестком укусе. Но и это следует стерпеть, тщательно, как огромную драгоценность, сохраняя все проявления дерзости.

Если обучение и воспитание идут верно, в соответствии с точными предписаниями методик, то эта дерзость всегда останется в рамках благопристойности и никогда не будет причиной нарушения манежного порядка и хода занятия. Хотя, будем откровенны, сохранение точного баланса дисциплины и дерзости — очень непростая задача. Но здесь игра стоит свеч.

К примеру:

Легко отличить заарнированную, деревянную, вымученную походку на сентаво цирковых лошадей — от походки лошади, которая делает сентаво, воспламеняя и поддерживая себя чистой нормированной дерзостью.

Дерзость — прекрасное свидетельство той внутренней свободы, которая открывает лошади путь как к исполнению сложных силовых элементов, так и к интеллектуальным занятиям. Она же дает и исключительную чеканность, точность и анатомическое совершенство элемента.

Естественно, INSOLENTIA будет полностью доброкачественной, не подмученной злобой или раздражением только в случае, когда лошади на занятии будет обеспечена возможность вкладывать в любое движение, элемент или упражнение — всю необходимую для выполнения энергетику.

Вообще, энергетика лошади — это отдельный, сложный и важный разговор.

Растрата этой энергии (или ее части) делает для лошади чистое выполнение почти всех экзерсисов, даже тех, что кажутся совсем простенькими, либо очень сложной, либо и вовсе невозможной задачей¹⁰.

Настойчивость воспитателя, требующего от лошади того, что она физиологически не в состоянии сделать, приведет опять-таки к бунту и нарушению той самой манежной дисциплины, которой и посвящена эта глава «Трактата».

Об этом прекрасно знали Мастера Школы, которые берегли каждую каплю энергии лошади как огромную ценность, понимая, что должный ее уровень — есть залог той легкости выполнения, когда любой экзерсис будет воспринят и осуществлен лошастью без вреда для ее настроения и миологии.

Еще и по этой причине, с XVII столетия — для Школьной лошади всегда создавался особый, берегущий ее силы и настроение, очень мерный распорядок дня,

¹⁰ Тупоброжение в полях, грызня, лягание, драки, капрофагирование и тебеневка — прекрасные занятия для лошади, предназначение которой — тупоброжение, грызня, лягание, драки, капрофагирование и тебеневка. Попытка совмещать это предназначение с обучением — является жестоким издевательством и над психикой лошади, и над ее миологическим аппаратом.

предохраняющий ее от пустой траты сил и эмоций и берегущий их для манежной учебы¹¹.

Репетирады L.E.P.

В известном смысле — вершиной, апофеозом манежной дисциплины являются репетирады манежных чтений. Я не очень хотел вновь затрагивать эту тему, но разговор о манежной дисциплине без упоминания ее проявления в практиках L.E.P. был бы неполон.

Здесь, в репетирадах L.E.P. (что надо очень хорошо понимать) — присутствует важнейший момент неподвижности, или относительной неподвижности лошади перед попитрами.

Эта относительная неподвижность может быть достаточно долгой, в зависимости от характера репетирады.

Эта относительная неподвижность уже сама по себе, даже без учета всех сложностей выучивания алфавита, диктантов, подборов правильных букв при определении заданных слов — является испытанием для лошади.

Не имея ни малейшего желания говорить за лошадь, просто пользуясь научной логикой, — легко предположить, что очень энергизированная, дерзкая и жаждущая двигаться

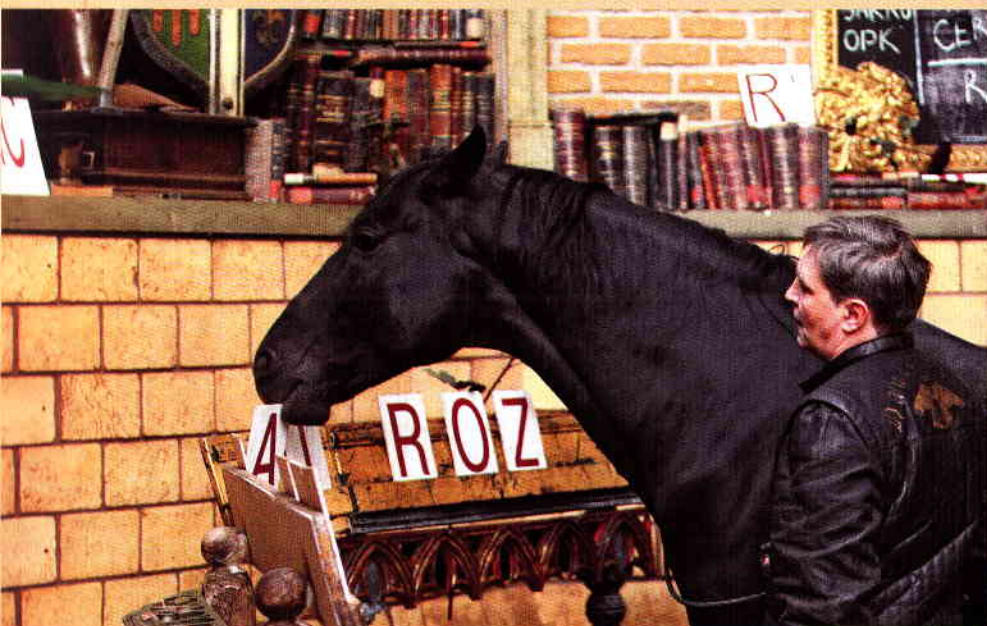
Школьная лошадь — должна испытывать некие психологические и миологические трудности при необходимости двадцать пять минут, перед длинным рядом попитров — манипулировать табличками с буквами, составляя слова, именовать предметы или исправлять ошибки в латинских словах, умышленно допущенные воспитателем, или совершать иные действия, предписанные методиками L.E.P.

Практически все старые методики обучения силовым манежным элементам основаны на своеобразной «подкачке», «нагнетении» и выплеске.

Т.е. на мерной, постепенной, более или менее продолжительной концентрации, которая готовит большой или малый физический и эмоциональный пик элемента.

¹¹ Представление, что ситуацию можно исправить изменением рациона, увеличением, к примеру, дозы овса — забавный дилетантизм, но это настолько глупо, что даже не стоит обсуждения.

Репетирада L.E.P. «ROZA»

Репетирада L.E.P. «IRIS»

Опять-таки, не пытаюсь говорить за лошадь, но основываясь на безусловной успешности таких техник — можно предположить, что такая тактика является верной и принимается лошадью. Что именно эта тактика «угадала» — основные анатомические, миологические и психологические особенности лошади и поэтому явилась основой манежного воспитания.

В репетирадах Л.Е.Р. все несколько иначе.

Когда, к примеру, вы проводите известную репетираду по определению и написанию названий различных цветов (к примеру, «роза» и «ирис»), вы демонстрируете лошади цветок розы и просите подобрать из огромного набора букв на шопитрах название этого цветка (см. табл. С).

Затем вы демонстрируете ирис и просите точно проименовать его (см. табл. D).

Следует помнить, что общий набор букв содержит в себе как буквы, пригодные для подбора (написания) как слова «ирис», так и слова «роза».

От лошади требуется произвести четкую дифференциацию двух очень похожих растений и орфографически правильно, предлагая буквы в точном порядке, написать их названия.

Лошадь это делает обычно без всяких затруднений, но некоторые физиологические приметы волнения все же присутствуют.

Этих «примет волнения», будь они физически реализованы лошадью, было бы вполне достаточно, чтобы вызвать незначительные нарушения дисциплины, однако, этого не происходит.

Почему?

Меня всегда умиляло редкостное единодушие всех Школьных сочинений.

Как только дело в них доходит до важнейшей, принципиальнейшей и крайне любопытной вещи, тут же автор вдруг «туманит взор» и уводит повествование подальше, в какие-нибудь пикантные философские дебри или и вовсе внезапно завершает статью¹².

Не будем же нарушать эту традицию.

¹² Главу.

Simiarum pulcherrima deformis est

глава четвертая

Simiarum pulcherrima deformis est¹.

Увы и ах. Но именно это ядовитое изречение Гераклита всякому человеку стоит хорошенько помнить, если он желает честно оценивать свои «взаимоотношения» с лошадью. Будем откровенны, это не самая приятная фраза и не самая лестная истина, но любые попытки подменить грустную правду сказочкой или приятным мифом — закончатся крахом воспитательного процесса. И, соответственно, крахом «манежной работы», которая есть и основной способ воспитания, и его же главный плод.

Simiarum pulcherrima...

Естественно, требуется огромная самоирония и мужество, так как согласие с этой Гераклитовой истиной должно быть не формальным, а очень искренним.

Более того, оно должно стать «вторым» самосознанием, которое при необходимости легко и надежно «включается» в нужную минуту.

Открою вам небольшой секрет — наличие истинного «согласия» с этой гнусноватой (в нашем контексте) фразой и безоговорочное принятие заключенного в ней смысла — это, по сути, и есть основа всех «манежных техник».

Дело в том, что опьяненные тем значением слова «человек», которым мы гипнотизируем себя на протяжении уже 25 веков, — мы легко теряем «ориентацию» в манежном пространстве, предполагая, что наш приличный эволюционный статус завораживает лошадь точно так же, как и нас самих.

Но это, мягко говоря, не так. Не завораживает.
Ибо... deformis est.

¹ Платон. Диалоги. Реплика Гиппия-старшего.

Существует целый набор глупейших предрассудков, которыми бедные «лошадники» с поразительным легкомыслием и настойчивостью заражают друг друга², как мартышки дракункулезом³.

Предохраняться от заражения их не учили, да им и в голову не приходит, что тот набор «познаний» о лошади, которые они передают друг другу при контакте — это некая, в высшей степени нелепая «*summa mendacii*».

Краткая история «коневедства»

На данный момент можно смело констатировать, что практически все, что предполагают «лошадники» о лошади, все, во что веруют в этом вопросе и чему подчиняют свои действия — есть, увы, полная нелепость, находящаяся в конфликте не только с наукой, но и с обычным здравым смыслом.

У этого факта есть несколько причин.

Во-первых, эта область знаний формировалась публикой с очень небольшими интеллектуальными возможностями и способностями. Она никогда не была представлена ни выдающимися, ни известными, ни хотя бы заметными учеными.

«Коневедство» всегда было очень «грязной», очень «конюшенной наукой», оставленной на «разграбление и пропитание» той публике, что никогда бы не смогла блистать или даже просто реализоваться в любой другой научной сфере. Зажав носы кружевными платками, мимо нее почти всегда прошмыгивали или и вовсе обходили стороной, по большой дуге, настоящие психологи, физиологи, зоологи.

Впрочем, были и исключения. Изредка представители настоящей науки заглядывали в вечно смрадный уголок «коневедов».

Но любой «визит в коневедство» настоящих ученых, настоящих интеллектуалов всегда вызывал полное потрясение, ревизию и опровержение практически всех базовых представлений этой захолустной дисциплины.

Прекрасным доказательством этого служат работы Де Сонье, Кука, Кралля, Клаппареда, Штрассера, Ассаджиоли и др. — мгновенно, одним прикосновением разносившие в прах те или иные «представления» о лошади, культивировавшиеся тихими «навозными знатоками».

² Причем заражение в полном соответствии со всеми законами инфицирования, естественно, происходит тем быстрее и неизбежнее, чем ниже некий «иммунитет». В данном случае роль «иммунитета» играет знание о лошади. То самое, начисто отсутствующее.

³ Красивое обозначение одного из видов глистной инвазии.

Любой визит настоящего ученого в темный «лошадезвательный» чулан заканчивался публичным погромом и многократным переворачиванием чулана.

Но конюшенная «наука» быстренько подлатывала раны, нанесенные ей интеллектуалами, и все дальше уползала в самые запаутиненные и черные дыры своего маленького закутка, все глубже закапывалась в многолетний навоз своих «диссертаций»⁴.

Примечательно, но мировоззрение основной массы лошадишников формировали не интеллектуалы, а именно «навозники». (Назовем их для краткости именно так, не вкладывая в этот термин никакого обидного смысла.)

Отчасти в этом есть и вина ученых-интеллектуалов.

Эти умники, перетряхнув и разгромив «навозный чулан», гордо удалялись «к себе обратно» в чистую анатомию, клинические практики, литературу, мистику, в высокую ветеринарию или воспитание лошадей.

А побитые «навозники» снова оставались безнадзорными.

И кое-как выпрямив расплюснутые носы, очухавшись и повесив на место картинку со «Сметанкой» и графики кумысных надоев, снова плодили диссертации и директивы, формирующие сознание «лошадиной общественности».

Более того, те морально-психологические травмы, которые наука наносила коневедам при редких контактах (за весь период с XVII по XXI вв.), естественно, имели тяжелые последствия.

«Коневеды» стали истеричны, нетерпимы и очень подозрительны.

И в этом нет ничего удивительного, ведь любая наука у бедолаг — стала прочно ассоциироваться с побоями и публичными унижениями.

Все вышесказанное касается в такой же степени как русского, так и европейского «коневедения».

В начале XX столетия ученый мир в лице нобелевских лауреатов, основателей школ психологии и зоологии, открыто поддержав К. Кралля, тем самым, вступил, по сути, в открытый конфликт с «коневедами» Германии, констатируя непонимание теми основных принципов как воспитания, так и физиологии лошади.

Столь же хрестоматийными примерами — являются и непримиримая вражда интеллектуалов, отвергавших стандартный стиль обращения с лошастью — Плювинеля, Арнольфини, Де Мену и других Мастеров Школы с «лошадиной общественностью» Франции XVII века, перманентный конфликт Гаспара

⁴ Блестящей иллюстрацией этой способности «уползать и закапываться» служит современное состояние Российского ВНИИКа, который ухитряется существовать, наглухо отгородившись и изолировавшись... от всех принципиальных ипнологических открытий XX-XXI веков (да еще на них же и шипит из своей дыры).

Сонье, да и вообще всей плеяды Школьных анатомов с коновалами Европы в XVIII столетии.

В наши дни лошадиным сообществом очень злобно и истерично восприняты открытия Х. Штрассер и проф. Кука, замалчиваются, игнорируются или подвергаются остракизму другие ученые, ветеринары, иппологи, патолого-анатомы, исследующие травматическое воздействие спорта и ВЕ на анатомию и физиологию лошади. В России, правда, до поры до времени все всегда было очень благобно, ибо отсутствовали как представители подлинной иппологии, так и традиция периодического публичного истязания «навозников» и разгрома всех их принципов и представлений. Посему без особых помех процветали Урусовы, Буденые, Витты, Парфеновы-Рогалева-Гуревичи и прочие «лошади на даче».

Основоположник советской школы лошадеведения В. О. Витт, создавший принципиальный, стратегический труд «Из истории русского коннозаводства», побил все рекорды нелепости, практически ни слова не сказав именно о лошади на протяжении всей своей книги. Нудное (на 400 страницах) описательство того, какую «Сметанку» скрепляли с каким «Барсом», к лошади или к ее подлинной истории не имеет ни малейшего отношения.

Т.п. «Справочник» Рогалева-Гуревича переполнен грубейшими ошибками и вносит невероятную терминологическую и смысловую путаницу в и без того крайне зыбкие и нелепые русские представления о лошади⁵.

Все это вроде бы является не самой уместной в этом «Трактате» темой.

⁵ Конечно, нужно тщательно беречь голову и глаза от подобных книжек. Происхождение всей этой макулатуры анекдотично – книжки о «тренинге и воспитании» преимущественно пишут девочки, не способные не то чтобы «воспитать лошадь», но и элементарно справиться с нею в бытовых ситуациях.

Илл. 23. Г. де Сонье

Но это лишь на первый взгляд. Дело в том, что настоящее манежное воспитание лошади нуждается в очень тщательной прополке сознания воспитателя от любых предрассудков и глупостей о лошади.

Здоровее и разумнее вообще не знать о лошади ничего, нежели знать то, что «знает» о ней сегодняшняя спортивно-покатушечная чернь.

Дело в том, что даже самая доброжелательная и самая тщательная ревизия сегодняшних общепринятых представлений о лошади — не в состоянии обнаружить среди этих представлений чего-либо, что представляет хоть какую-то, даже самую малую ценность. Это касается не только воспитания.

В такой же степени это относится и к вопросам менеджмента, унгулологическим премудростям, психологии лошади, ее истории и да и ко всему вообще, без исключения.

Дело в том, что помимо научной невзрачности основной массы разработчиков современных взглядов на лошадь, есть и еще один очень важный фактор, обуславливающий суррогатность и ложность того, что тиражируется в бесконечных книжках «про тренинг и здоровье» или про то, «как научиться понимать лошадь»... etc.

Очень долгое время любое знание о лошади было ориентировано только на задачи очень грубого «потребления» лошади человеком и ни на что более. Все познания, которые напрямую не служили «потреблению» или хотя бы косвенно не благоприятствовали ему, — отсекались и хоронились.

Даже не по злому умыслу, а просто как совершенно ненужные.

Илл. 24. Х. Штрассер (справа)

На данный момент есть все основания утверждать, что ни один вид живых существ не изучался человеком так эгоистично, так предвзято и так ограничено.

Представим себе, что **человек** изучался бы ТОЛЬКО как существо для переноски грузов. Или как продуктивный объект, а калорийность мяса определяла бы ценность того или иного народа.

Или — изучение особенностей женщины свелось бы к определению возможности получения у нее максимальных надоев грудного молока и к вычислению предельного количества самцов, которых можно было бы удовлетворить ею за сутки без тяжелых повреждений ее мочеполовой системы?

Понятно, что в этом случае мы имели бы весьма ущербные и очень специфические знания о хомо сапиенс.

Примерно такую картину мы имеем и в «лошадином вопросе».

Причем дело не в некоей туманной аморальности.

И аналогия здесь отнюдь не прямая, а просто иллюстративная.

Просто легко и понятно поясняящая, что подобный примитивный подход обеспечивает и очень примитивный уровень знаний.

Примитивный уровень знаний генерирует, в свою очередь, примитивный подход. И так далее, до бесконечности, причем прилепившаяся к лошади каста — охраняет замкнувшийся круг примитивности очень истерично и злобно.

Именно это мы и имеем сегодня в полном объеме.

Имеем наглый, грубоватый и нелепый суррогат знания, руководствуясь которым люди определяют роль и судьбу лошади.

Разумеется, это не повод для диспутов или перебранок, оставим конюшенной черни возможность и дальше забавляться со своим суррогатом.

Пусть эту публику исправляет могила. У нее всегда есть и время, и желание.

Существует прочный предрассудок, заключающийся в том, что всякое воспитание лошади базируется на умелом сочетании «поощрения-наказания» и что именно это сочетание и есть единственная возможность выработать должный уровень т.н. послушания, разучить сложные и простые элементы, добиться от лошади «верного» поведения.

Это касается не только спорта, старой «классики» или полукровочных практик.

Эта заноза, увы, сидит в мозгу даже тех, кто реально ищет «честный и высокий» способ отношений с лошадью. А поиск «честных отношений» сводится к тому, что просто меняются пропорции.

Резко сокращается карательно-наказательная составляющая и раздувается ласкательная. Но суть от этого не меняется, так как карательная держится в уме, применяется в крайних случаях, но самое главное — частичное или почти полное отсутствие наказаний — расценивается как заслуга перед лошадью.

Придумывается даже новая, лицемерная фразеология, представленная понятиями о «положительном и отрицательном подкреплениях».

По сути и смыслу — это та же самая спортивная белиберда про «поощрения-наказания», только в модной, лицемерно-гуманистической упаковке.

Белиберда такая же бессмысленная, как и основной принцип спортивного воздействия, и столь же бессильная.

Уже почти 10 тысяч лет лошадь то бьют, то угощают, то чешут, то снова лупят, в надежде, что случится некое чудо, что метод наконец работает.

Не срабатывает. И не происходит чуда.

И XXI век, как и век диких сарматов или миттанийцев, предъявляет хрипящую и залитую пеной лошадь.

И рот ее точно так же набит болевыми железными парализаторами, как 200, и 1000, и 5000 лет назад.

Все в мире уже кардинально поменялось и лишь в этом вопросе замерло на роковой, мертвой точке.

Общепринятым остается первобытный метод, дата рождения которого находится где-то в неолите.

Провонявший и беззубый автор этого метода, легко коловший каменным топором голову своей лошади, когда голод заставлял забыть об «отношениях» — уже девять тысяч лет бессменно оживает в каждом, кто сует в рот лошади неолитическое изобретение, чтобы парализовать ее болью, — и в этот же рот, растроганно гудя, засовывает клочок старой лепешки.

В принципе, заметить бессмысленность и тупиковость неолитического метода можно было достаточно давно.

Средневековые заметили, но обнаружило, что никакой базы для изменения ситуации, в общем-то, не существует и обреченно двинулось по «неолитическому» пути, в полное лошадиное «никуда».

Давайте предметно, не на малых исторических фактах, а вполне обстоятельно рассмотрим, чем же располагало человечество на тот момент по части знания лошади, иппологии, навыков всадничества и основы настоящих отношений — работы «в руках».

Самые первые «гиппологические» труды — Киккули, Накула, Калхана, Соменшара и афинянина Симона — можно «списывать» без всяких колебаний. Это пространные и нелепые пользовательские инструкции, касающиеся либо колесничного (причем в строго миттанийском или ассирийском контексте) ремесла, либо иных примитивных практик, осуществляемых самым примитивным образом на основании самых примитивных представлений. Все они так или иначе продолжают неолитическую традицию.

Правда, о труде Симона Афинянина — говорить вообще невозможно, он представлен одним маленьким фрагментиком, в котором, как всегда по моде античных «гиппологов», рассказывается об «ушках и отметинках». Прочие части его сочинения, как и вообще очень многие труды древнегреческих авторов, — погибли в кострах первых христиан, усердно уничтожавших античную культуру и литературу. Колумелла, Гиппократ, Гиерокл, Вегетий, Варон, Палладий — уцелели лишь потому, что были крайне популярны, часто копировались и т.н. списков было очень много. Христиане, конечно, и тут подсутились, но просто в силу огромного количества копий книг этих авторов — кое что уцелело.

Впрочем, Колумелла и Ко — писали о лошади лишь в режиме дачи менеджментных советов, пересказывая друг друга и особо не углубляясь. Советы все были однотипны, порой очень смешны, и даже в Средневековье выглядели уже очень архаично.

«Лошадиный трактат» Плиния Старшего не сохранился, причем утрачен был в первые века нашей эры (тоже сожжен христианами, так как содержал нестерпимые для тех упоминания о богах греко-римского пантеона) — и до озабоченного лошадиным вопросом Средневековья просто не дошел, как и труд Симона Афинянина.

Арабские трактаты раннего Средневековья (Абу-Бекр) тиражируют все те же самые глупейшие советы, что содержатся у Колумеллы и Ко, да вдобавок, по традиции восточной прозы, состоят в основном из прилагательных.

Надо оговориться, что очень велика вероятность того, что древний мир породил еще не один десяток «гиппологических» сочинений, но истеризм христиан, последовательно уничтожавших в лице великой литературы и культуры Рима и Греции — ненавистное «язычество», лишили нас примерно половины всего античного наследия.

Стоит вспомнить, что отцы церкви называли даже Гомера не иначе как «отравой» и запрещали не только преподавание его в школах, но даже и простые упоминания о нем. Десятки, а вероятно, и сотни трудов античных авторов были сожжены или истреблены самыми разными способами.

Что невозможно было уничтожить — переписывалось или переименовывалось. В рукописи Иосифа Флавия, в хроники Светония — делались нужные вписки,

стилизованные под стиль автора, а «ненужные» цитаты или главы удалялись. К слову сказать, никакие коммунисты так не громили культуру, как это делали христиане в те века, когда церковь только начинала входить во вкус власти.

Особенно доставалось книгам — так как массово сжигались именно библиотеки, содержащие труды античных «идолопоклонников», таких как Эсхил, Демосфен, Гесиод и др.

Правда, тысячами уничтожались и античные статуи, поскольку являлись опять-таки «идолами» и символикой ненавистного язычества. Статуи богов и героев беспощадно крушились в течение нескольких веков (!), скалывались со стен мозаика и сбивались фрески, десятками тысяч переплавлялись ритоны, чаши, предметы быта, украшенные «языческой» символикой.

Сносились подчистую великие храмы.

Э. Гиббон в своем труде «Упадок и разрушение Римской империи» — подробно описывает то, как неистовствовали христиане, уничтожая античные храмы, издеваясь, ссылая и убивая жрецов и прихожан.

В Александрии гигантский храм Сераписа (одно из признанных «чудес света») — пытались отстоять горожане, вдохновленные философом Олимпием (книги которого уничтожены христианами), но после настоящей осады храма — храм был взят штурмом христианской толпой, защитники зверски и очень затеисто убиты, а сам храм превращен в гигантскую гору щебня.

Это ж с какой остервенелостью и как долго надо было ломать, дробить и переламывать уже разбитые камни, чтобы достичь кондиции «щебня»? Напомню, что размерами и величием храм Сераписа «соперничал с Капитолием».

Примерно тогда же была христианами обращена в пепел одна из главных библиотек античного мира — Александрийская.

Туманные ссылки в разных источниках на ее содержимое позволяют с полной уверенностью предполагать, что большая часть античной литературы, философии и поэзии, науки безвозвратно погибла именно вместе с ней, что до наших дней чудом дошла лишь ничтожная часть древних сочинений, избежавшая костров и глумлений благочестивых последователей раввина из Назарета.

Так исчезли сочинения Аристовула, учителя царя Птолемея Филомектора, часть творений Филона Александрийского, большая часть Зенона Циттейского, полностью — до последней строчки утрачен Антифон, значительная часть Демосфена, Гесиода, Атенея, Цицерона, Лукиана, Светония, Хризиппа...

Этот список, увы, можно продолжать до бесконечности.

Сейчас уже можно понять, какой силы удар получила человеческая цивилизация. Причем это был удар по высшим, эталонным ее образцам.

Великая античная культура почти пять веков корчилась на христианском кресте. Христианство перечеркнуло традиции поэзии, литературы, науки, живописи, архитектуры, медицины, оккультных наук, театра, моды, словом, всего живого. Разумеется, прекратили свое существование все философские школы, которые тоже всегда были обладателями прекрасных библиотек.

Короче говоря, из всех древних первоисточников до наших дней уцелел только Ксенофонт, на данный момент по умолчанию превращенный в иппологическую святыню.

Правда, говоря о Ксенофонте, надо сразу упомянуть одно важное обстоятельство. Следует понимать, что кто бы и что бы ни написал предметно о лошади в античном мире, да еще и размахав сочинение аж на 12 глав, это сочинение было обречено на посмертную славу и своеобразную канонизацию просто в силу своей единственности.

Как это и произошло с Ксенофонтом во времена Возрождения, несмотря на то, что его труд смело можно назвать и крайне тоскливым, и, по большому счету, — полностью бессодержательным.

Правда, в нем есть чему позабавиться. Например, наставлениям о вреде воды для копыт. Или тому утверждению, что кобыла «пока она хороша собой» — не «отдастся ослу». А вот обстриженная, утратившая гриву и, вместе с гривой, красоту — станет гораздо менее разборчива и легко согласится на это унижительное совокупление.

Несколько непонятно и внимание, которое Ксенофонт при осмотре лошади уделяет яичкам (тестикулам).

А все искусство верховой езды по Ксенофонту (будем откровенны) сводится к способам удержаться на лошади.

Суммируя впечатления от его труда, можно, увы, сделать вывод, что и Ксенофонт тоже является одним из представителей «неолитической» традиции⁶.

Впрочем, я лично готов почитать Ксенофонта и произносить его имя и далее с тем же ритуальным придыханием.

Мне это ничего не стоит, а он, каких бы глупостей он ни понаписал, безусловно, единственный уцелевший автор древнего мира, подробно отписавшийся на эту тему, и образ его позолочен двадцатью пятью веками.

Я-то готов к ритуальному, глубокому и совершенно лицемерному реверансу перед самым именем Ксенофонта, но даже раннее Средневековье он никак удовлетворить не мог.

⁶ Той самой традиции, шлифовщиками которой явились Гериньер, Боше и Филлис.

Уже в XIV столетии возникла острейшая потребность хоть в каком-то взаимодействии с лошадью.

Пусть в жестоком, кровавом, смертельном для нее, но эффективном взаимодействии, так как реальный конфликт лошади и человека, их абсолютная чуждость друг другу — создавали слишком много проблем для последнего.

Должен был раздаться вопль Европы, вообще не имеющей НИКАКИХ серьезных ориентиров или наставлений в «лошадином вопросе».

И он раздался. Этим воплем был труд короля Португалии и Алгарве, синьора Сеуты, дон Дуарте.

Дон Дуарте. Романтический красавец, король-рыцарь, отважный всадник, прославленный высотой и пышностью плюмажей, запахом ног и ало-стью плащей.

В 1420 году он написал прелюбопытнейшую книгу. «Книга о науке хорошо ездить верхом в любом седле».

Этой книгой, конечно, хорошо полировать физиономии тех, кто решается что-то мямлить о всадническом мастерстве рыцарей средневековья, о скифах или искусстве сарацин. Эта книга — «невольный» протокол, реально зафиксировавший, насколько же все было плохо на этом этапе развития «неолитического» метода.

Рукопись Дуарте, будучи честной констатацией существовавших проблем, стала сверхпопулярной, сотни раз переписывалась, пересказывалась и заучивалась наизусть.

Опустим ее первые главы, это дежурные реверенции древности, Букефалу, амазонкам, риторические рассуждения о пользе лошади и что-то о седлах.

И только с восьмой главы рыцарь говорит о «наболевшем».

Цитировать почти не буду, просто рекомендую обратить внимание на название глав:

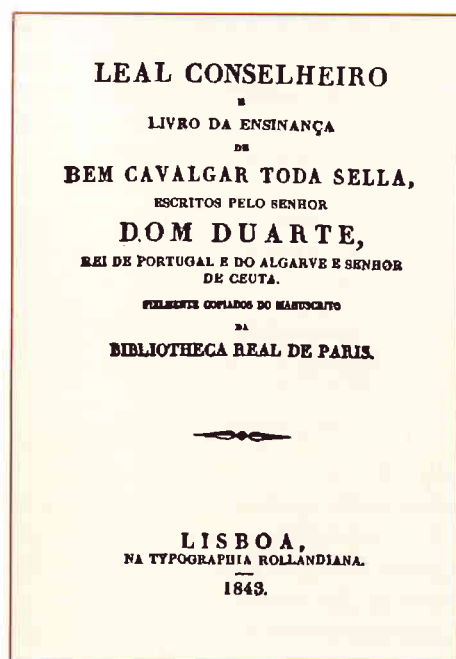
«Почему полезно всегда ездить с прямой посадкой и объяснение из-за чего мы можем падать во все стороны».

Дуарте утешает читателя: **«Мы не можем быть сброшены с лошади куда-нибудь, кроме четырех направлений, вперед или назад или на какой-нибудь бок».**

Дуарте, надо сказать, очень сочно рассуждает о том, при каких условиях падают всадники. Выясняется, что настоящие всадники средневековья падают всегда и всюду.

В частности, **«вперед всадник может упасть, ЕСЛИ лошадь будет дыбиться и опускать передние ноги около того места, где они стояли раньше, что некоторые лошади делают злонамеренно».**

Глава девятая посвящена **«искусству не падать с лошади — вперед»**. Глава десятая посвящена искусству **«не падать с лошади назад»**. Следующая глава

Илл. 25. Дон Дуарте. Livro Da Ensinanca De Bem Cavalgar Toda Sella. Издание 1843 г.

Илл. 26. К. Корте. Cavallarizzo, 1562 г.

рассказывает об искусстве не падать вправо, в ней же содержатся наставления о том, как не падать влево.

Чудесным наставлением рыцарству — является глава 19, озаглавленная — **«Как не падать, когда лошадь не делает ничего, из-за чего можно было бы упасть».**

Конечно, это блестящий документ эпохи, воспринятый современниками как откровение, как благовестие. Но это и смертный приговор мифу о рыцарстве.

О правах и стилистике поведения в седле добавляет и Клаудио Корте. В своем труде «Кавалериццио» (1573 г.) Корте наставляет: **«Звуки для наказания ленивых, нерадивых, обладающих дурными привычками лошадей — должны быть ужасающими и устрашающими»...** Подобный способ не должен так использоваться всякий раз в присутствии государей и почтенных людей, ибо весьма дурно открывать рот и кричать и издавать громкие многочисленные звуки в присутствии таких людей».

То есть мало того, что залезание на лошадь традиционно оборачивалось падением, так оно еще и сопровождалось диким ором.

Ingressus. Complexio

глава пятая

INGRESSUS (букв.: походка) – это старое Школьное обозначение лошадиной пластики, почти то самое, что теперь называется вроде бы неплохим и вроде бы емким русским словом «движения». Проблема только в том, что термин «движения» изрядно запачкан глупостью его применителей.

«Движения» – это обиходный, культовый термин, который сейчас широко применяет «plebs stabularium», пытаясь с его помощью характеризовать особенности того, что ему кажется «лошадиной грацией».

Парадокс заключается в том, что с помощью данного термина положительно характеризуются наиболее болезненные и проблемные проявления лошадиной моторики, впрямую свидетельствующие о патологии ОДА или ЦНС.

In brevi – то, чем традиционно восхищается «puella stercorosa» и то, что она формулирует как «прекрасные движения» – есть либо примета тяжелых патологий, либо внешнее подобие таким патологиям.

Простейшим, наугад взятым примером этого может служить высокая ценность дергано-марионеточной «высоты движений» лошади.

На выработку этой «высоты» тратятся и столетия селекции, и годы манежной работы. Для достижения этой «высоты» существует множество приспособлений: утяжеленные нагавки, специальные подковы, путовые браслеты с бубенчиками или цепочками, компрессы с химическими раздражителями, электрические и механические «подбойники», широко применяется болевое туширование, жесткая подбивка передних и задних ног при помощи труб или палок и прочее, прочее, прочее...

В результате достигается либо тяжелое неврологическое заболевание, именуемое «степшаж» (перонеальная походка), либо внешнее подобие симптомов этого серьезного заболевания.

Трудно сказать, часто ли удается действительно добиться того поражения седалищного нерва и периферического пареза малоберцовой группы мышц, которые дают натуральный эффект «степпажа», но успехом считается даже имитация симптомов. Именно эта стилистика является пропуском в большой спорт и высоко оценивается судьями.

Степпаж, или перонеальная походка – это хорошо известное и изученное тяжелое неврологическое заболевание из разряда периферических невропатий. В специальной неврологической литературе характеризуется как «степпаж, походка с высоким подъемом ноги в запястье вследствие слабости в дистальных отделах конечности, спинной сухотки, поражения седалищного нерва, травмы малоберцовой группы мышц с массивным нарушением ее иннервации».

Симптоматика, приметы, этиология и классификация очень хорошо известны, тем не менее именно болезненность движений (или тщательная имитация болезненности) наиболее высоко оценивается и в спортивной, и в классической выездке.

Полагаю, даже одного этого примера более чем достаточно.

Есть, правда, один нюанс: действительно, лошадь на свободе, в минуту воодушевления или возбуждения может продемонстрировать очень высокую «походку», но вызван такой стиль движения возбуждением определенных зон коры головного мозга и задействованы в обеспечении такого движения совершенно другие группы мышц, чем те, что генерируют болезненные «движения» в выездке. Это совершенно очевидно тому, кто умеет «читать» миологический язык лошади, но этого никогда не видит *plebs stabularium*.

Возможно, выездковое «высоко-полетное движение» (степпаж или его имитация) есть попытка подражания тем мимолетным проявлениям воодушевленной INGRESSUS, но попытка в высшей степени безграмотная и нелепая, достигающаяся тем способом, который инвалидизирует лошадь.

Естественно, любое понимание стиля, качества, происхождения особенностей лошадиной пластики немыслимо без полного и отчетливого знания как особенностей ЦНС лошади, так и понимания того, какие именно отделы головного мозга лошади ответственны за обеспечение ее различных моторных функций.

Таких знаний, естественно, нет в открытом доступе – и они благополучно подменяются чисто вкусовыми, фантазийными представлениями, которые имеет современная *puella stercorosa* о «красоте».

Естественно, очень многие идеалы «движений» навязаны старой классикой (школами Гризоне-Бруэ-Гериньера)¹, которая в силу заурядности средств воздействия (конструкций мундштуков, шпор ручных и ножных, подбивочников, пиляр и пр.) практически сразу обеспечивала любую лошадь тяжелыми невропатическими проблемами, болезнями ОДА и миологическими патологиями. Это бесспорно.

Тогда миологические вопросы мало кого беспокоили, из лошади любыми средствами добывали надуманный человеком эстетический идеал ее движения. Идеал закреплялся в живописи и графике, причем закрепляясь, естественно, гипертрофировался, и следующие поколения манежных мучеников обрекались на соответствие этому, уже гипертрофированному идеалу, причем приведение к нему осуществлялось и усугублением средств воздействия, и продолжительностью манежных пыток.

Так уж получилось, что даже поверхностный анализ особенностей ГМ лошади однозначно свидетельствует о ее полной непригодности к большинству сложных (силовых) упражнений, обязательных в старой Высокой Школе. Исполнение их, разумеется, возможно биомеханически и, соответственно, может быть заучено лошадью, но ГМ не в состоянии обеспечить физиологическую полноценную поддержку ОДА при исполнении этих элементов, что неминуемо приводит к тяжелым травмам и увечьям.

Я не буду останавливаться на этом подробно, так как нюансы, основанные на детальном, многолетнем изучении особенностей ГМ лошади являются закрытой, Школьной информацией, не предназначенной для широкого распространения. Более того, они и вовсе излишни, так как их постижение требует знаний и пониманий в тысячи раз превышающих умственные возможности лиц, традиционно занимающихся эксплуатацией лошадей.

In brevī скажу, что не все элементы Высокой Школы подпадают под гарантированно травматические, но большинство из них.

Впрочем, вернемся, к INGRESSUS.

Действительно, «походка» лошади, язык ее миологии – есть сверхточное обозначение и ее настроения, и ее состояния. Следует знать, что большая часть страшных нарушений лошадиной походки свидетельствует о тяжелых мозжечковых нарушениях. На нюансы INGRESSUS либо не принято обращать внимания,

¹ У Пливинеля, к слову, нет ни единого упоминания о «высоте движений» и категорически отсутствуют наставления по выработке этой «высоты».

либо их списывают на «усталость, лень, погоду, грунт и пр.». Увы, все, даже мельчайшие нарушения INGRESSUS свидетельствуют о проблемах ЦНС.

Наиболее частыми являются апраксические нарушения. Вторыми по частоте можно признать миопатические проблемы (двухсторонняя слабость мышц бедра «феномен Тренделенбурга» и поясничный лордоз).

Чисто «копытные» нарушения INGRESSUS отличаются от вызванных болезнями ЦНС и гораздо легче считаются, так как чаще вызывают откровенную хромоту, а не общее изменение стиля движения.

Надо понимать, что в таких случаях обращение к ветеринарам совершенно бессмысленно, ибо такого рода проблемы превосходят уровень их компетенции во много раз. И вообще, следует помнить, что в первую очередь лошадь следует всеми возможными способами оградить от людей этой профессии, т. е. от ветеринаров.

Учитывая тот факт, что ветеринария – это все же некий раздел медицины, можно с уверенностью утверждать, что ветеринар – это обозначение не специализации, а уровня.

Ветеринария – единственная отрасль медицины, где приоритетным является не жизнь и здоровье пациента, а лишь удобство его использования. Неслучайно для профессионального врача не существует оскорбления большего, чем именование его (даже в шутку) – ветеринаром. И дело совсем не в печальном происхождении этого термина, а именно в том, что на сегодняшний день ветеринария, если заглянуть за ее фасад, является феноменальной смесью безграмотности, бесстыдства и жестких «пользовательских» принципов. По-прежнему, как и в XVIII–XIX веках, когда «скотолечебные училища» собирали в своих стенах тех, кому настоящая медицина была недоступна по разным причинам, – ветеринария, несмотря на некоторую оглауренность вывески, может считаться основным оплотом невежества. Понимаю, насколько сложным для восприятия будет данная часть «Трактата», призывающая «оградить лошадь от ветеринаров», но могу напомнить, что базовое ветеринарное образование ориентировано на обслуживание мясо-молочной промышленности или на интересы КС. К заведомо низкому уровню знаний и их «специфичности» приплюсовывается полная инсталлированность ветеринаров в «plebs stabularium». Данная среда, увы, инфицирует «лошадиных докторов» всеми предрассудками и бреднями, которыми живет сама, причем инфицирует настолько сильно, что «бредни» становятся основой и мировоззрения и практики, быстро вытесняя даже те немногие познания, что были приобретены в «скотолечебных училищах».

Разумеется, речь идет только о практической ветеринарии, а не о тех капитальных трудах, которые теоретически должны были бы быть ее основой. Впро-

чем, несмотря на наличие нескольких серьезных современных анатомов и теоретиков других направлений – со времен почтеннейшего адъюнкт-профессора и прозектора зоотомии Алексея Кикина, издавшего в 1837 году свою «Краткую Зоотомию», и в базовой ветеринарной науке ничего принципиально не поменялось.

А в отношении «практиков» абсолютно применимой остается знаменитая цитата из «Российского нового и полного опытного коновала» 1809 года издания: «В скотской врачебной науке можно с здравым смыслом и некоторыми сведениями заслужить уважение, когда в человеческой врачебной науке с теми познаниями считали бы лекаря самым бедняком».

Грустнейшая реальность сегодняшней ветеринарии вынуждает либо иметь собственные медицинские серьезные знания, либо не иметь лошадь.

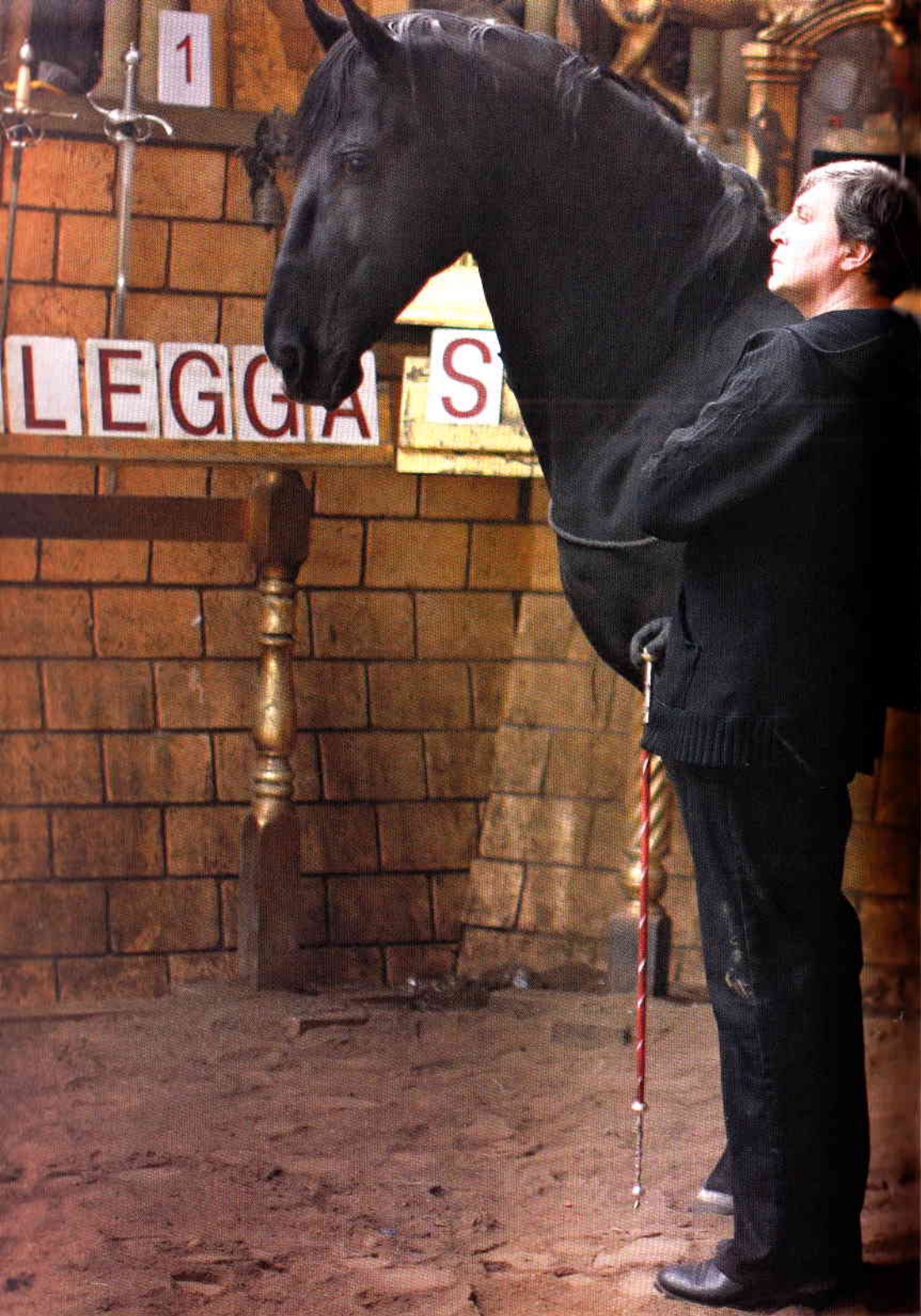
Прежде чем завершить «Трактат», я полагаю необходимым вернуться снова к теме верховой езды.

Будем откровенны, ничего кроме боли, неудобства и унижения верховая езда лошади не доставляет. И бесполезно здесь обманывать и уверять себя, что особое всадническое мастерство дает право забираться на спину лошади.

Я достаточно долго шел к этому осознанию, и базируется оно не только на чувствах, но прежде всего на результатах многолетних исследований.

Я понимаю, насколько сложно принять этот факт, смириться с ним и поставить ощущения лошади выше возможности получения тех странных удовольствий, которые предоставляет эта забава. Но именно умение отказаться от нее и является гарантией подлинного – высокого – отношения к лошади. Для меня это теперь бесспорно, как бесспорно и то, что лошадиная анатомия не оставляет ни единого шанса на возможность верховой езды безвредной или безболезненной для лошади.

Как вы, вероятно, чувствуете, эти строки написаны без полемического задора, без всякого желания «доказывать», убеждать или обличать. Они написаны очень спокойно и с той убежденностью, в которой кому-то может померещиться некая грусть. Если она и есть, то это грусть не о всадническом мастерстве «на свободной лошади», не о сложных и сверхсложных элементах Высокой Школы, а лишь о том, сколь много я сам сделал для романтизации и совершенствования этой, в общем-то, глупой и гнусной забавы, концентрирующей в себе все самые скверные качества человека.

Complexio

Точная, полноценная и мастерская манежная работа «в руках» была, есть и, вероятно, всегда будет единственным прологом настоящих взаимоотношений с лошастью.

Но как бы ни был внешне блистателен ее итог, какие бы сложные элементы не демонстрировала лошадь в результате долгих манежных практик, следует помнить, что элементы – это лишь способ, а не цель. Цель очень проста, научить лошадь обращать на человека внимание, заставить ее вслушаться в те многообразные звуки, что издает человек, понять самые первые связи звуков и действий того нелепого существа, во власти которого она оказалась. Не следует морочить себе голову глупостями типа «партнерства». Это понятие неведомо и непонятно лошади в силу принадлежности к совершенно другому виду. Невозможно «партнерствовать» с существом, цели, задачи и методы которого абсолютно непонятны. Не следует также морочить себе голову значимостью своей «любви к лошади». Этот фактор вообще не имеет для лошади никакого значения, а лишь усугубляет глупейшее положение человека, который ломится сквозь межвидовой барьер, да еще и окрашивает процесс ломки категорически непонятными лошади эмоциями.

Почему мы постоянно сталкиваемся либо с катастрофическими неудачами в манежной работе, либо с отсутствием каких бы то ни было удач у тех, кто искренне хочет вступить в отношения с лошастью?

Почему даже самые прекрасные люди с самыми чистыми намерениями, и даже владеющие теоретически какими-то основами манежной техники, терпят в манеже фиаско?

Почему это искусство (ремесло) манежного мастерства, заключающееся в умении сделать манежную практику осмысленным и соблазнительным для лошади процессом, до сих пор доступно столь ничтожно малому количеству людей?

Действительно, можно знать приемы туширования или постановки на псаду, можно понимать основные приемы осаживания или прямой работы по стенке, на пируэте «в руках» или любые иные, но если при этом нет предельно четкой самоидентификации (органического и проявляемого в пластике и звуках осознания своего места и своей роли), то манежные экзерсисы будут абсолютно пустым занятием.

Несоблюдение любого из Интердиктов – тоже рано или поздно приведет к краху манежной работы.

Я неслучайно в начало этой, заключительной, части «Трактата» – поставил фотографию своих перчаток. Это мои манежные перчатки за последние, наверное,

пять лет, которые случайно были собраны по углам конюшни при генеральной уборке и сложены на столе в лаборатории. Они являются наилучшей иллюстрацией того, сколь должен быть огромен и постоянен манежный труд, чтобы иметь хоть какие-нибудь результаты.

Прекрасно понимаю, что вид этого огромного количества «в хлам» истертых перчаток может расставить все по своим местам и пояснить ту степень самоотреченности и трудолюбия, которые необходимы для реального результата.

Эти перчатки невольно стали великой аллегорией. Аллегорией терпения, спокойствия, умения часами, очень вдумчиво, кропотливо, не теряя никаких эмоциональных ориентиров, ни на секунду не увлекаясь мимолетным результатом, разъяснять лошади свое место рядом с ней.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление

Praefatio

8

Глава 1

Tempus Pluvinei. Время Плювинеля

27

Vinum Librarium 30; Мыслящие лошади 33

Глава 2

Lectio Equaria Palaestra

49

Деакадемизирующие факторы 64; Индивидуализм 67;
И снова Lectio Equaria Palaestra 71

Глава 3

Disciplina. Insolentia. «Miliun».

75

«Miliun» 83; Вестиграмма Ньюкастла 84;
Insolentia 92; Репетирады L. E. P. 95

Глава 4

Simiarum pulcherrima deformis est

101

Краткая история «коневедства» 102

Глава 5

Ingressus. Complexio

115

Complexio 122

Научно-художественное издание

Невзоров Александр Глебович

Трактат о работе «в руках»

*Публикуется в авторской
редакции*

Руководитель проекта *Лидия Невзорова*
Координатор проекта *Тамара Комиссарова*
Ответственный редактор *Стасия Золотова*
Художественный редактор *Дмитрий Райкин*
Технический редактор *Евгений Муштай*

Фото:

*Лидия Невзорова,
ученики Школы «Nevzorov Haute Ecole»*

e-mail: info@hauteecole.ru
www.NevzorovHauteEcole.com

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская область,
г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург,
ул. Кронштадтская, д. 11, лит. А
E-mail: mail@astrel.spb.ru

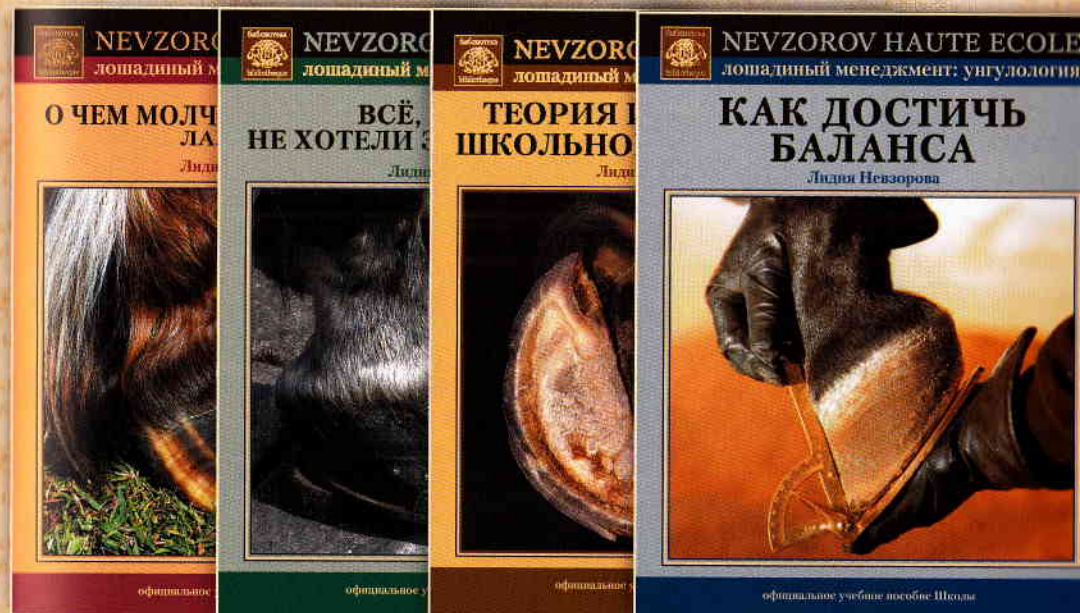
ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ООО «Принтхаус».
ЛП №02330/0552738 от 02.02.2010.
Республика Беларусь, 220015, Минск, ул.Одоевского, 117, 8 этаж, комн. 11.

NEVZOROV HAUTE ECOLE

СЕРИЯ: УНГУЛОЛОГИЯ

В книгах этой серии дипломированный ипполог-термографист, специализирующийся на опорно-двигательном аппарате лошадей и унгулологии, член Ученого совета Академии иппологических наук (USA), автор множества трудов по иппологии, статей и книг по лошадиному менеджменту Лидия Невзорова рассказывает о копытах и всем, что с ними связано.

Все брошюры серии «NHE Лошадиный менеджмент: Унгулология» написаны простым и понятным языком и рассчитаны на ветеринаров, ковалей, студентов иппологических вузов, частных владельцев и всех тех, кто искренне заботится о здоровье и комфорте лошади.

В серию войдут:

- Анатомия и физиология копыт
- Как достичь баланса
- Контрактура копыт
- Конформация
- Ламинит
- Навикулярная болезнь
- Всё, что вы не хотели знать о ковке
- Растяжение белой линии
- Торцовость
- Трещины
- Теория и практика Школьной расчистки

ООО «Nevzorov Haute Ecole»

Трактат о работе «в руках»

официальное учебное пособие Школы

Помимо истории – столь же необходимо понимать и знать вообще все, связанное с этим искусством, – все до самых последних мелочей, ибо именно «мелочи» порой работают тем детонатором, который воспламеняет и приводит в движение огромные пласты интеллекта воспитателя, провоцируя т.н. озарения.

Эти «озарения», конечно, не главный метод, даже не самый важный, но на первых порах, при отсутствии качественной и долгой практики занятий «в руках» со многими лошадьми, – они очень выручают.

Порой случайное слово, любой пустяк, внешне не самый убедительный пример, необходимость вдуматься в старый или новый термин и искать разгадку его происхождения – очень и очень помогают решать ту или иную задачу, что я хорошо помню по своему опыту.

Впрочем, о практическом применении т.н. озарений в «Трактате» еще скажется, равно как и о других вспомогательных моментах.

История техник этого искусства – один из важнейших вопросов, изучение которого очень настраивает на его постижение.

ISBN 978-5-17-068076-4

ООО «Nevzorov Haute Ecole»

NEVZOROV HAUTE ECOLE

библиотека

bibliothèque